

**«...МЫ СДЕЛАЛИСЬ ДРУЖНЕЕ, МУДРЕЕ,
ОЧИЩЕННЫЕ ЭТИМ СТРАДАНИЕМ»
ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА С. В. ГАНКЕВИЧА
(ЯНВАРЬ – МАРТ 1942 г.)**

(Публикация Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева)

Я узнал о дневнике Сергея Васильевича Ганкевича совсем случайно. Шура (Александра Георгиевна) Новикова, троюродная сестра моей жены, С. А. Николаевой, – дочь ленинградского художника Георгия Александровича Новикова (1898–1981), ученика великого Филонова. Новиковы дружили с семьей Ганкевича, тоже филоновского ученика. Когда я в 1949 г., молодой бездомный учитель, очень нуждался в крыше над головой, Новиковы поговорили с вдовой Ганкевича Тamarой Михайловной, и она с удовольствием (очень нуждалась) отдала мне на несколько месяцев «угол», часть своей комнаты за шкафом в коммунальной квартире на улице Петра Лаврова.

После того как мы более-менее познакомились, Тамара Михайловна дала мне почитать блокадный дневник мужа, и я был потрясен правдивостью и подробностью этого выдающегося исторического документа. Предложения продать дневник были отвергнуты, но владелица разрешила скопировать, и я несколько недель переписывал страницы Ганкевича, стараясь быть предельно точным (добавлял лишь некоторые пунктуационные элементы, главным образом – запятые). При этом я вникал в сюжеты и имена, которые без расшифровки были бы непонятны читателю. Свои пояснения я выносил внизу страницы, обозначая примечания цифрами (при настоящей публикации они снабжаются ремаркой «Примеч. 1949 г.»).

Скорый, через два года, мой отъезд из Питера в Тарту порвал связи с Тamarой Михайловной, я не знаю ее дальнейшей судьбы и не знаю судьбы дневника. Так как Тамара Михайловна разрешила мне не только переписать текст дневника, но и публиковать его в печати полностью или частично, то я много лет стремился довести дневник до публикации, но многолетняя же занятость отодвигала это событие.

Краткая биография С. В. Ганкевича (1892¹–1942) имеется в Интернете. Родился он в Умани, окончил Киевское художественное училище. В период Гражданской войны преподавал рисование в учительской семинарии г. Великие Луки (очевидно, там и подружился с Г. А. Новиковым, жившим в Великих Луках в 1920-х гг.). Потом очень кратко сказано об участии в войне, о ранении и плене (у кого? у белых?). С 1923 по 1930 г. Ганкевич опять преподавал в великолуцких школах. В 1928 г. он, видимо, познакомился с Филоновым и в 1930 г. переехал в Ленинград. Он стал активным участником выставок филоновской группы МАИ («Мастерская аналитического искусства»). Но он примкнул, при расколе группы, к «меньшинству», объединившемуся вокруг учителя.

В начале января 1942 г. Ганкевич решил писать очерк о переживаемых ленинградцами событиях, который уже с 6-го числа превратился в традиционный дневник, куда скрупулезно записывались события, впечатления, мысли. Совершенно обессиленный от голода, он прервал записи лишь за несколько дней до кончины.

И почти до конца рисовал. Вдова подарила мне картину маслом, которая упоминается в одной из предсмертных дневниковых записей (от 22 марта): вид из ленинградского окна на улицу, где везут на санках как бы запеленанный труп (гробов уже не было). А на подоконнике лежит кусочек хлеба в 125 граммов – дневная норма человека.

Б. Ф. Егоров

Добавим еще несколько слов о публикуемом дневнике.

Он, безусловно, ценен художнически выразительным изображением некоторых уникальных подробностей блокадного быта, отсутствующих в других документах эпохи либо только упомянутых в них. Чего, например, стоят описания рынка-«толкучки», сцен в магазинных очередях или столкновений с чиновниками в жакте при получении продовольственных талонов!

Не меньше впечатляют и зарисовки психологии людей, оказавшихся на краю гибели. Вот рабочая Паня, похоронившая всех своих

¹ В других источниках указываются 1891 г. (Блокада, 1941–1944. Ленинград: Книга Памяти. СПб., 1999. Т. 6) и 1898 г. (Художники довоенного Пскова. Псков, 1998). Однако, судя по дневниковой записи от 22 марта («чего только не вспомнишь из своей жизни – ведь 41 год чего не передумаешь»), С. В. Ганкевич родился в 1901 г. Не исключено, что по каким-то практическим соображениям в его официальных документах был зарегистрирован неверный год.

родных и, придя вечером после заводской смены, заглядывающая к соседям, чужим в общем-то людям, чтобы отделить им от своего пайка сахарной пудры, поделиться папиросами, подлить керосину в коптилку. Или сотрудница Публичной библиотеки О. Д. Енкен с дочерью Ириной, угощающие гостя единственным съедобным, что у них было. Ганкевич 19–20 янв. записал: «...при мне варили столярный клей, подмешивая туда размоченные апельсиновые корки и сахар<ный> песок. Говорят, вкусно – что твой кисель».

История же, происшедшая – на фоне все усиливавшегося голода – внутри семьи, между отцом и дочерьми (одна из них, Тима, жена художника), потрясает своим бесчеловечием. Старшая сестра Геня получила от отца часы для обмена на хлеб, но их украли. Отец настойчиво требовал хлеб или часы. Уже убывая в эвакуацию и оставляя изможденных дочерей в блокадном городе, он пришел к ним. Увидев у Тимы, лежавшей в постели, часы (другие, ее личные), он кинулся к ней и чуть не выломал ей руку, срывая с нее часы. Удалил-ся, только завладев ими...

Последняя сцена в своих тягостных подробностях не попала на страницы самого дневника (ее прокомментировала вдова художника снимавшему копию Б. Ф. Егорову). Сергей же Ганкевич, всегда необыкновенно деликатный, тут уже не мог воздержаться от гневной оценки – в записи, сделанной между 7 и 10 февр.: «Самое грубое проявление низменных инстинктов и побуждений – бешенство жадности, самолюбия и бессердечности, хамское проявление насилия в отношении больной, лежащей в постели, истощенной и обессиленной голодом дочери».

Вообще же, не менее, чем редкий бытовой материал или психологические портреты блокадников, а может, даже и более важна в публикуемом дневнике запечатленная на его страницах душевная исповедь автора. Она дает цельное представление о его светлой личности.

Подобно тому как трудно ему писать об озверении тестя, он до конца не может поверить даже в самые, казалось бы, достоверные слухи не только о случаях людоедства, но и о том, что кто-то поедает четвероногих домашних питомцев. 13 или 14 янв. он пишет: «Паня рассказала сегодня, что в милиции зарегистрирован случай, что отец съел своего сына. Кошки и собаки давно уже исчезли – должно быть, сами издохли, а говорят, многих съели. Откровенно говоря, я этому не верю! Все это шаблонные слухи и сплетни, порожденные голодом».

Человек высокой художественной культуры, он и патриот родного города. Жителей Ленинграда, по его убеждению, не может не

удержать от падения сама атмосфера прекрасного, с младенчества питавшая их душу: «Надо очень озвереть, потерять человеческое подобие, чтобы дойти до такого омерзения и ужаса – не хочется верить, что на это способен ленинградский человек!».

С. Ганкевич признается: «Забываю обо всем и погружаюсь в искусство и до некоторой степени нахожу нравственное удовлетворение в том, что живу не совсем еще животной жизнью» (13 или 14 янв.). Он пишет при любой возможности. Пишет, даже когда света недостаточно, – чтоб наутро переписать наново фон, изменить конфигурацию предметов в натюрморте и их состав. Когда же потемки совсем сгущаются, при свете коптилки погружается в изучение истории живописи по книгам Р. Мутера и А. Н. Бенуа. Планов же у него, чем ближе к последней черте, тем, кажется, больше. 22 марта, упомянув недавно созданное, художник перечисляет задуманное: «Хочу написать <...> эскиз улицы: движение по мостовой, очередь и лежащий, брошенный труп мужчины на первом плане (как я видел его у нас под аркой). Может быть, потом напишу и уставшего мальчика, присевшего на труп отца на санях. Рисунки, вернее наброски, у меня уже давно сделаны.

Только надо сил, сил и сил!!!..

Хотелось бы сделать и в скульптуре тоже мальчика или старуху с мальчиком и трупом.

Неужели не дотяну? – Сознаю, что трудно, очень трудно выползти из того состояния, что я теперь, но надо надеяться! надо! – нельзя опускаться и унывать».

Все эти картины невысказанных страданий и их преодоления задумываются художником именно как «памятник пережитого».

Да и оставил он кисть, взявшись за перо, по его признанию, лишь лишенный «возможности заниматься любимым делом». Приступая к своим «бесхитростным, но правдивым запискам о тяжелом пережитом», как он поначалу определил их жанр, он спустя два месяца, 22 февр., с горечью констатировал: «Начал я вести эти записки с тем, чтобы описывать в них те исключительно тяжелые, теперь могу сказать, убийственные, переживания нашего города, порожденные многомесячной блокадой и бомбардировкой, но внешние события, жизнь и успехи нашего фронта так редко доходят до нас, так мало кто интересуется этим, а газеты мы получаем так редко и нерегулярно, что все наши интересы сводятся к личной жизни, вернее – борьбе за жизнь, и мои заметки невольно сводятся к дневнику». Дневник в понимании С. Ганкевича – нечто интимное и мало связанное с большой

историей и, прежде всего, с большой трагедией Ленинграда. А ему хотелось отобразить то, что испытали жители блокадного города, на большом повествовательном полотне, а не в скромном этюде частной жизни. И эта работа укрепляла силы.

И еще помогала ему жить – тогда, когда к этому не было уже никаких физических возможностей, – *любовь*. Как и всякий настоящий художник, он и прирожденный анатом. И вот, находясь рядом со своей Тимой-Тамарой, подбадривая ее, пытается шутить, и этот его юмор пропитан нежностью: «Мы очень истощали, – я могу прощупать не только все ребра, но и весь свой скелет, и, ложась спать, мы чувствуем кости друг друга даже в таких местах, где о них можно было только знать и догадываться» (17 янв.). Как благодарен он жене, готовой стать его соратницей и в живописи: «Ночью часто не спим с Тимой. Она тоже решила изучить историю живописи нового русского искусства по Бенуа – я этому очень рад – хочет быть подругой и в этом отношении» (11 февр.). Или вот сцена из последних записей: «...вдруг, взглянув на Тиму, увидел, что она закатила глаза, сжала руки и, дергаясь головой, как в судорогах, повалилась на подушки, с трудом хрипит. Я очень испугался, обцеловал все ее лицо. Мне живо представилось, что она умирает, и так страстно захотелось удержать здесь ее жизнь» (между 22 и 27 февр.). И скупое, но так пронзительно об их пристрастиях в еде: «Я больше склонен к сахару – Тима к хлебу. Просто до самых горьких слез» (22 марта).

Любовь к жене и преданность искусству, сливаясь воедино, позволяли душе до последнего не утратить природного оптимизма, веры в близкое завершение страданий. Дневнику С. Ганкевич доверяет свои общие с женой мечты: «Мы же с Тимой не теряем бодрости и мечтаем, что с весны, со светом я буду много работать. Мы часы проводим в разговорах об искусстве и моей работе, о понимании искусства, о жизни художественных произведений, мечтаем даже о моем возврате к лепке, к скульптуре и даже о перемене профессии художника-плакатиста на скульптора, хотя бы в театр<альной> буффор<ской> мастерской. Все это она разделяет со мной – моя незамеченная подруга жизни. – Нет, и голодом нас не возьмешь – я все-таки художник...» (28 янв.).

Этот присущий Ганкевичам оптимизм, кстати, пронизывает всю стилистику дневника. При чтении его, в отличие многих других свидетельств блокады, у нас не возникает тягостного ощущения, не рождается чувства отчаяния и беспросветной скорби. Вот, например, описание выхода в город с шутивным использованием военной лексики:

«Опять мой очередной „героический“ рейс окончился полной неудачей, боевая задача была получение продовольственных карточек на новый месяц – февраль. Но я пришел домой ни с чем. <...> Только на „рыночном“ фронте, после упорного сопротивления, мне удалось одержать крупную победу. За 300 гр. хлеба я получил 100 гр. отборного табака» (31 янв.). Впрочем, в этих формулировках, заимствованных из фронтовых сводок, была своя правда. Ленинградцы день за днем вели войну за выживание, не менее беспощадную, нежели на линии переднего огня. С. Ганкевич записывает: «„Сегодня 15-е число (15-е января) и мы еще живем!“ – говорит Геня, и эти слова звучат у нее как победа. И это, конечно, наша победа – без преувеличения – на фронте борьбы с голодом»...

В 1949 г. Б. Ф. Егоров, приступая к работе, сделал себе как бы «зарубку на память»: «Копия дневника снимается с наивозможной точностью. К сожалению, дневник писался большей частью карандашом при свете коптилки, поэтому многие строки почти не поддаются разбору». Этим обстоятельством и объясняется десяток пометок <нрзб.>, которые, если не будет найден автограф 1942 г., уже не доведется расшифровать никогда. Однако упомянутые лакуны весьма незначительны и нисколько не мешают общему впечатлению.

А. П. Дмитриев

<ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ>

Я не писатель, не литератор – в жизни моя рука привыкла до сих пор держать только кисть, а берется за перо; никогда раньше не чувствовал влечения писать дневник, мемуары или записки, но сейчас, в силу различных объективных обстоятельств теперешней нашей жизни, лишения возможности заниматься любимым делом, мне бы хотелось в этой тетради просто записать некоторые моменты тех исключительных условий, обстоятельств и переживаний и настроений, может быть и мыслей, порожденных ими, в которых мы живем и многие моменты которой, кажущиеся нам теперь такими важными, с течением времени, в лучших условиях жизни, наверное, исчезнут из нашей памяти. Это время не прошло для нас бесследно, мы многое испытали, много пережили и многое научились ценить, – жизнь, полная тягчайших испытаний, лишения, граничащие со смертью, заставили нас во многом сделать «переоценку ценностей» – многое обнажилось и стало ясным во всей своей неприглядной наготе. И мне кажется, что мы сделались дружнее, мудрее, очищенные этим страданием. <3 нрзб.>

Я не жалею, что не уехал из Ленинграда (так же, как и Тима¹), – я горд сознанием, что в тягчайшее время для города я не бежал, позорно спасая свою шкуру, я полон решимости даже сейчас, как и тысячи других граждан, в тягчайшее время все вытерпеть, твердо верил в конечную нашу победу и даже в очень тяжелые минуты не теряя веры в то, что дождусь <1 нрзб.>.

Я не претендую, что мои записки будут литературным произведением. Для этого нужно иметь дух, затем любовь к этому делу и, наконец, много-много работать. Мне некогда и не для чего это делать. Буду писать, как выльется это с кончика пера, ничего не отделявая или переделывая. Не знаю, конечно, насколько мне это удастся, и как умел, так и делал. Не мудрствуя лукаво, не переделывая, а просто, как выльется из-под пера.

Мне кажется, что они, что пережитое прошлое многому нас научило, много прибавило к общему жизненному опыту, и нам впоследствии (в других, лучших условиях) при иной жизни будет небезынтересным прочесть эти мои бесхитростные, но правдивые записки о тяжелом пережитом.

Быть может, и другому, особенно постороннему, человеку будет интересно прочесть их. Ведь многие и не представляют, что здесь происходит. «Итак, мы начинаем».²

Ленинград окружен – блокада – вот основной лейтмотив всех будущих записок или очерков. Мне кажется, что если все мы переживем эти дни (*во что я глубоко верю*), хотя число их никому неизвестно, то в новое, лучшее время нам будет интересно вспомнить о тяжелом пережитом, многие мелочи которого могут исчезнуть из нашей памяти. Может быть, и другому будет небезынтересно узнать о них от нас – переживших. Итак – я начинаю.

Дольше оставаться в нашей комнате,³ жить в ней и работать или хотя бы читать – невозможно! У нас нет дров, – мы замерзаем, хотя мы делали героические усилия и занимали у всех родных по 5–6 полн. Холод адский – все источники исчерпаны. Больше просить не у кого, да и неудобно. Нет света – ни электрич<еского>, ни даже в коптилке. Наконец – и это самое главное – у нас не на чем даже подогреть себе стакан воды, не говоря уже об отоплении! Ко всему этому в последние дни Тимочка заболела.

С получением даже хлебного пайка стало очень трудно – приходилось вставать в 4–5 часов. А в один день, и это было, кажется, 2 января, мне совсем не удалось найти хлеба, хотя я был по два раза в 7 булочных в разных районах. Везде хлеб был уже выдан или я встречал на дверях надпись – «магазин закрыт – до привоза хлеба».

Тима даже плакала. Пришлось прожить одним кофе.

Мой натюр-морт⁴ подвигается к концу. Я пользуюсь буквально минутами, чтобы немного продвинуть его вперед, – это будет живописным воспоминанием о тяжелом прожитом. Пишу в холоде, в пальто Тимы на плечах, с шарфом на шее. Конечно, свету недостаточно – одно окно (второе закрыто), но окончить очень хочется. Тиме он нравится – в крайнем случае он будет интересен как памятник пережитого. Мне лично он нравится и живописно: черное блюдце на фоне серой газеты дает какой-то скромный, благородный эффект.

Итак, решено – мы переезжаем к Гене!⁵ Она давно приглашала Тиму, еще до своей болезни. У нее, по крайней мере, есть дрова – тепло, а это при нашем теперешнем истощении имеет огромное значение для сохранения остатка сил.

Мы оба очень заметно исхудали и, что еще катастрофичнее, – ослабели. В нашем доме уже умерло несколько человек знакомых стариков (муж Татьяны Ивановны, муж Смирновой, муж Ольги Дмитриевны Енкен⁶).

Правда, все это люди пожилые, но далеко не дряхлые, да и каждый день мы видим через окно подобные картины, к которым мы, как

и все ленинградцы, начинаем уже привыкать. Это похороны, похороны не погибших от бомбардировок и обстрелов, которые, кстати сказать, теперь, с наступлением зимы, совсем прекратились, а похороны умерших от голода.

Мы часто встречаем их, чуть не на каждой улице, во всякое время дня и ночи. Я даже разделил их на три разряда, как делились они раньше. Но разница колоссальная.

1-й разряд – пышные – это крашенный охрой гроб, на санях, несколько провожающих;

2-й разряд – средний – гроб представляет собой грубо сколоченный ящик, не имеющий даже формы гроба, плоский, расширяющийся несколько в верхней части, двое людей (большой частью женщин) везут его, двое подпирают сзади палками.

И, наконец, 3-й разряд, все чаще и чаще встречающийся, – одинокий мужчина, везущий завернутую в простыню или серый платок, привязанную за голову и ноги прямо к саням фигуру женщины, в чулках или носках. За веревку сверху саней заткнута лопата, сверху брошен пиджак или куртка – мужчина, очевидно, устал, вспотел – везти далеко и трудно – сил мало.

Последняя картина особенно выразительна и сурова. Мне даже захотелось изобразить ее, поместив как яркую, красноречивую деталь в будущем натюрморте – замерзшее окно со следами наивно, крестобразно наклеенных полосок ⁷ бумаги (когда-то наивно верили, что это предохранит от лопанья стекол от воздушной волны при бомбардировке). На окне натюр-морт – тоже какой-нибудь характерный – и, сквозь замерзшее стекло, описанные силуэты фигур. Может быть, мне еще удастся сделать что-нибудь в этом роде.

Итак, мы переехали к Гене 6-го января. Переехали, конечно, сказано образно, т<ак> к<ак> трамваи нигде давно уже не ходят – нет электроэнергии и все пути занесены снегом, и все ходят пешком даже на работу, все по мостовой.

Здесь мы застали Юру Обьедова,⁸ который очутился почти в таком же положении, с той только разницей, что ночует он через день, через два. Он старый приятель Гени, знакомый с детства, более 20 лет, во многом помогает ей, носит дрова и т. п., словом, взаимная помощь.

Мы решили его не стеснять и спать втроем на одном диване с Геней, а ему, как и раньше, предоставить другой диван. Он продолжает работать в институте⁹ и приходит только к вечеру.

С трудом мы поместились на одном диване, как селедки в бочке. Тиму положили посередине – ее флюс до сих пор еще не про-

шел, она простудилась, страшно похудела, особенно телом, и очень ослабела.

Раздражительность тоже стала иногда невыносимой – но это, кажется, теперь уже общая болезнь, порожденная временем и объективными причинами. Есть у Гени и свет – коптилка с машинным маслом (сейчас почти у всех она опять возродилась, рожд^{енная} в 1918 г.) за отсутствием керосина. Эта коптилка горит почти целый день – окно у Гени завешено платком и забито диванными подушками для сохранения тепла, и это обстоятельство, признаться, меня очень огорчает. Нельзя будет писать-работать, как я думал и мечтал с Тимой. Я даже ящик с красками притащил с собой. Печально, что придется отказаться от этого. Но ничего не поделаешь – «со своим уставом в чужой монастырь не суйся».

Питаемся мы, как и раньше, кофе утром (без сахара, конечно) – баланда к вечеру и после нее опять кофе.

Геня не получает хлеба (как-то вырезали у нее в больнице – сейчас ее совершенно освобождают от воинской обязанности¹⁰), и мы делимся с ней, что имеем.

Кстати сказать, мы с Тимой умудрились дома жить так, что почти весь наш паек получаем в конце месяца, а не по декадам. Этим мы выигрываем в том отношении, что в первые декады везде колоссальные очереди, с 4–5 ч. утра, и получить что-либо удастся с большим трудом.

Мне удалось поэтому сравнительно легко получить муку (кажется, кокосовую, еще вернее, какие-то жмыхи, которые выдавали вместо крупы) за 3 декады. Соль тоже есть. Из этого мы варим суп «Баланду», как я его назвал (по впечатлению от «Сахалина» Дорошевича¹¹). Это, конечно, съедобное, но в первый раз я почти не мог его есть, поперхнулся, закашлялся, так драло горло. Сейчас привык и к этому.

Хлеб очень плохой, с какими-то суррогатами, говорят, древесинной, темный и мокрый внутри. Мы делим на три части: утро (10–12 ч.), день (5–8–9 ч.) и опять чай.¹²

Эта трудная обязанность лежит на мне. И действительно трудная, так мало хлеба мы получаем – 125 гр. на человека. Сейчас прибавили – увеличили до 200 гр.

Чтобы было спорчее (?) (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.), т. е. чтобы медленнее его съедать (а не просто проглатывать), мы привыкли поджаривать его на сковороде в хлопковом масле (сливочного давно нет), а последнее время за неимением его просто на сковороде.

До первого января мы получали газету «Ленинградская правда», много читали и буквально жили этим. Вот почему я в своем натюрморте и поместил книги, коптилку, стакан кофе и газету с передовой «Все силы на разгром врага».¹³

С первого января мы почувствовали большое лишение, т<ак> к<ак> перестали получать газету. С восторгом и надеждой читали и следили за успехами наших Бондаревцев,¹⁴ Андреевцев,¹⁵ балтийцев,¹⁶ а последнее время частей генерала Федюнинского,¹⁷ действовавшего на нашем Ленинградском фронте. У Гени мы надеялись слушать радио, но оно очень слабо. Я пытался его исправить, но сделал еще хуже. Ляся плохо починил его, и оно совсем перестало работать. Пришлось лишиться и этого. Впрочем, Геня иногда получает газету с большим опозданием.

Я считал себя еще довольно крепким. Я обладаю достаточной выдержкой, здравым смыслом или силой воли, чтобы нормально расходовать, т. е. съесть то, что получаю. Считал, что я вынослив и долго еще могу продержаться не сдаваясь.

Но на днях я убедился, что это не так в отношении собственных сил. Я переоценивал их.

Надо было привезти мамину перину с нашей комнаты (они собрались уезжать – записались на эвакуацию и ожидают. Перины не берут, а нам втроем будет удобнее – пружины дают себя знать). Геня достала сани, и я пошел. Зашел в магазин, где мы прикреплены. Еще не получено масло. На дверях красноречивая надпись – «масла нет и не будет».

Дома я, не раздеваясь, продолжал свою работу, открыл второе окно и увидел многие недостатки в цвете. Может быть, этого и не нужно было делать. Собрал все, что поручила взять мне Тима, завернул в перину и простыню, связав все шпагатом, и втиснул в детские саночки. Привязать к саням не было веревки. Морозы стоят последнее время большие (немцев находят замерзшими у пулеметов). Чтобы не мерзли руки, я привязал к короткой веревке саней галстух, но и это не спасло. Я очень мерз в руки. Приходилось много раз останавливаться, т<ак> к<ак> перина сваливалась при малейшем наклоне в снег. Очень быстро темнеет, и к тому же, добравшись до Сенной, я начал уставать от всего этого. Наконец, я добрался до дома. Ну, думал, сейчас прекратятся мои мучения. Но оказалось, что это было только начало. Как втащить все это на 3-й этаж в полнейшей тьме, не будучи даже уверен, что ты попал в этот дом. С трудом я взобрался с периной на первую площадку, оставив сани внизу. Перина не тяжела, и я сам себе

удивился, что мне стоило такого труда втащить ее после нескольких остановок на 3-й этаж. Я буквально задыхался и тут только понял, насколько я обессилен, ослабел. Да, голод не тетка, и тут он дал себя почувствовать. Вот почему я и остановился на таком незначительном событии, как перевозка перины. И сделать это для меня оказалось подвигом. Я тоже простудился после этого путешествия и стал очень кашлять. Мы с Тимой оба, должно быть, очень беспокоили ночью Геню, которая спит очень чутко.

Тимочка не встает – очень ослабела, и Геня тоже простудилась. Геня со свойственной ей отзывчивостью горячо взялась за ее спасение. Эта задача окрыляет ее и дает ей энергию и силы, необходимые для добывания продуктов питания. Сейчас она не выпускает из дому и меня, и мои обязанности составляют теперь мелкие домашние работы, как подмести комнату, прибрать на столе, принести дрова (что тоже некоторого рода проблема для моих сил), наколоть щепок для подогревания воды.

Я привез и наш импровизированный из электрической плитки таган, на котором и мы кипятили поставленные кастрюли. Под таган идет много щепок – они сгорают как спички, и колоть их надо на вечер не менее часу.

Утром в 7–8 часов (последнее время я мало сплю) я встаю и начинаю колоть щепки, подогреваю воду для кофе, пока Тима и Геня еще в постели. Напившись, Геня уходит – «Волка, говорит, кормят ноги». Ей я дал денег, чтобы она покупала все, что можно еще купить еще (так в рукописи. – *Б. Е., А. Д.*) за деньги. Единственным мерилom, единственной ценностью – ходячей монетой на рынке-толкучке является хлеб, и трудно, очень трудно достать что-либо за деньги. Коробку спичек мне как-то удалось купить случайно в хлебной очереди за 5 руб. Табак «Ялта» Тима выменяла на кофе. А еще раньше нам удалось, дежуря в очереди с 5 часов утра, получить два раза по сотне папирос «Для охотников». Сейчас остался только один плохой табак, давно, уже более года залежавшийся, да стянутые гильзы выкуренных папирос.

Какая была радость, когда в один из дней Геня, вернувшись из своих рейсов, принесла от папы кусок хлеба грамм в 300. Кто-то там ему привез, а Геня описала ему положение Тимы, и он смилостивился. Тут же его съели все вместе, как добычу.

В другой из дней Геня где-то на рынке (вернее, в обменном пункте) обменяла пол-литра вина на мясо. Наша «баланда» окончилась, и завтра мы едим мясной суп. Это тоже событие, тоже успех ее деятельности, к тому же соседка Гени, Паня (очень добрая, простая жен-

щина) дала ей рису (блюдечко для варенья), и у нас будет настоящий суп, – на два дня. Кроме этого у нас ничего нет. Помимо хлеба и воды, которую тоже надо приносить, т<ак> к<ак> водопровод бездействует. Вода берется в прачешной в чужом дворе, в темноте, и я совершенно промочил ноги, еще больше простудился. Мы часто ведем споры с Геней – она очень экспансивный человек, – часто, конечно, по мелочам, но никогда не доходим до ссор. Я понял ее, но она меня не всегда – иногда приходится и уступать ей, чтобы не раздражать, а не потому, что она права.

Она очень изменилась, вернее – ее убеждения. Как раньше она впадала в пессимизм, в приход Гитлера (так в рукописи. – *Б. Е., А. Д.*), верила всяким вздорным слухам, в бесполезность защиты Ленинграда (как и ее папа) – я не раз ссорился с ними и повышал голос, так теперь она живет с надеждой на скорое освобождение, на улучшение, на то, что все мы выживем.

«Сергей Васильевич – сегодня 13 число, 13 января, и мы живем. Еще полмесяца – и мы спасены!» Это она говорит не раз.

Спорим мы теперь с ней по другим вопросам. Вот, например, она приходит с «рынка» и говорит: «Как жаль, что у меня не было с собой 250 руб. – сейчас там продавали плитку шоколада. Ведь это же экстракт – это концентрация». Я же говорю, что это безумие, покупать за такие деньги шоколад.

«Все-таки мне хватило бы его на полмесяца по квадратику в день». Я же доказываю, что квадратик в день ничего не дает – лучше купить хлеба и тем дополнить свой паек. Она берет хлеб вперед и съедает его. Мы же с Тимой до сих пор питались так, что кусочек хлеба сегодняшнего дня нам оставался на утро к чаю. Я доказываю, что она этим ничего не выигрывает.

Жажда жизни у нее колоссальная, и ей ничто не дорого. Она все преувеличивает и сегодня говорит, что отдаст патефон за килограмм хлеба. Я кажусь ей скупцом, и мне это обидно. Мы не понимаем друг друга. «Всё к чорту – всё на обмен, даже Жана¹⁸ отрез – лишь бы спасти жизнь!» Мне все это кажется несколько преувеличенным – «Мне дорог каждый день».

Тима независимо от меня тоже такого же мнения. Я пожалел Тиму, «поддался» Гене, и нам сегодня уже не хватает хлеба к нашему прекрасному супу, а к кофе и совсем ничего не осталось, т<ак> к<ак> на завтра хлеба Геня сегодня не достала.

Мы вышли из своего обычного бюджета. Мои слова, мой метод нашел реальное подтверждение. И даже Геня согласилась, что очень

хорошо, если оставлять хлеб на утро к кофе, чтобы не идти в очередь без ничего.

В этом соглашается и моя Тима. Нам нормируют продукты (минимум продуктов), и это не зря, поэтому надо свой паек тоже нормировать. Это теперь закон жизни, и основа его хлеб. Им определяется все, тем более, что сейчас уже 13-е число и ничего еще не дают на ту декаду, которая уже прошла.

Геня чужда всякой логике и часто говорит вещи, которые мне кажутся абсурдными. Мне кажется, что она внутренне все-таки соглашается со мной, но не хочет согласиться и тогда молчит. Она готова на все – все менять, менять и менять, спасать, спасать и спасать свою жизнь – за что угодно, за сколько угодно, все неважно.

По-моему, это не рационально, а она ничего этого не видит и слышать не хочет: «Вы живите как хотите со своими вещами, а я живу как я хочу» и часто говорит грубости, не выслушав или не поняв меня.

Но, конечно, я не обижаюсь на нее. Я отдаю должное ее удивительной энергии – она делает очень многое, и мы оба очень ей благодарны.

Свободные минуты я посвящаю чтению «Истории живописи XIX в.» Мутера¹⁹ (книги Юры Объедова) и делаю из них при свете копилки конспект. Забываю обо всем и погружаюсь в искусство и до некоторой степени нахожу нравственное удовлетворение в том, что живу не совсем еще животной жизнью. Ведь газеты Геня не получает регулярно, и даже такой «духовной» пищи не хватает на каждый день. Дома, в прошлом году, мы с Тимой читали газеты каждый день от строки до строки. Вопросы политики стали часто предметом наших разговоров. Мы все время следили по карте за нашим четырехмесячным отступлением, понимая его причины; с восторгом следим и сейчас за нашими первыми успехами. Не раз в 6 часов утра подымались с постели слушать радио. На прежней своей квартире у Лены – слушали выступление Сталина в Москве²⁰ и все понимали и разделяли и одобряли.

Да, так было, так должно быть, и верим, что так будет – враг будет разбит и уничтожен.²¹ Сейчас носятся слухи, что взято Чудово, что наша армия окружает немцев и с севера, и с юга, чтобы никому не дать уйти из-под Ленинграда, нанести полный разгром фашистам и всех уничтожить до единого – это будет справедливым возмездием за все, что претерпели ленинградцы и области, временно оккупированные этим зверьем.

Хочется дожить до этого недалекого уже дня, хочется дожить до полной победы! Ведь какое интересное время! Хотя говорят, и наверное так, уже тысячи ленинградцев погибли от голода, и есть отдельные случаи, что люди доходят до людоедства. Паня рассказала сегодня, что в милиции зарегистрирован случай, что отец съел своего сына. Кошки и собаки давно уже исчезли – должно быть, сами издохли, а говорят, многих съели. Откровенно говоря, я этому не верю! Все это шаблонные слухи и сплетни, порожденные голодом. Надо очень озвереть, потерять человеческое подобие, чтобы дойти до такого омерзения и ужаса – не хочется верить, что на это способен ленинградский человек!

Разбить булочную и утащить 150 буханок хлеба, как говорят, было на днях – это другое дело, это возможно. Вырезывание продуктов из сумок, даже просто кража хлеба у всех на виду с прилавка – это действительно факт – с этим приходится согласиться. Ведь факты – упрямая вещь, как сказал Сталин.²²

Слухи о взятии Чудова оказались, мягко говоря, несколько преувеличенными. Взято Любытино²³ – я тщетно искал его на карте, но не нашел.

Тем не менее, упорно держится другой слух, что прорыв к Ленинграду уже сделан, что сейчас еще не восстановлена только железнодорожная сеть; мобилизован в городе транспорт и к нам идут уже продукты на машинах. Это находит свое подтверждение в том (я не вижу в этом тесной связи), что уже сегодня начали выдавать по карточкам вместо 200 гр. муки (отрубей) 400 грамм – 200 грамм мукой и 200 грамм крупой (пшеничной). Некоторые уже успели получить.

Не выдавали продуктов за 1-ю декаду будто бы потому, что производится строгий учет натуральных остатков и магазины были запломбированы. Хлеб сейчас часто удается получить довольно хороший, но очереди по-прежнему велики и надо стоять часами на большом морозе.

Геня, одушевленная своей идеей «спасать» нас, героически достает его и вообще делает очень много. Она очень строго следит за тем, чтобы Тима поменьше курила и была всегда в тепле: «Главное – сохранить калории, ведь это очень важно». – Конечно, она права.

Юра по-прежнему иногда ночует. На днях ему предстоит опять хоронить одну из своих старух. Это уже вторая. Тяжелая обязанность! Надо самому везти труп на санях на Кронверкский во двор или на Смоленское,²⁴ где трупы без гробов складывают штабелями и постепенно хоронят в братских могилах. Это стало теперь обыкновенным

явлением, а немного раньше просто тайком подвозили и подбрасывали трупы к больницам. Могила уже роют общую государственную> городские рабочие за хлеб, который стоит теперь по «рыночной» цене 50 руб. 100 гр. Геня достала мне пачку «Звезды» за 15 руб. Надо будет ограничить себя в курении, т<ак> к<ак> безумно тратить 450 руб. в месяц на табак. Это – еще одно лишение!

Завтра надо будет и мне совершить рейс на свою квартиру и в банк – уплатить налог за Тиму и взять с собой патефон, который мы решили пустить в обмен на хлеб. Это, конечно, самая безболезненное, дальше может пойти мой синий отрез на брюки и даже синий костюм и в крайнем случае ручные часы Тимы – это решение наше обоюдное и единогласное.

Мне кажется, что город переживает сейчас наиболее острый момент, кризис, который, к сожалению, может затянуться недели на две. После этого начнется заметное улучшение, если, конечно, мы будем поддерживать себя по мере сил и возможностей, а эта поддержка только и возможна тем путем, о котором мы решили с Тимой, при энергичном участии Гени.

Жаль только, что и я ослабел и не могу принять, да и не умею, более активного участия в этом деле. Геня имеет больше связей и знакомств, и ей это удастся.

«Сегодня 15-е число (15-е января) и мы еще живем!» – говорит Геня, и эти слова звучат у нее как победа. И это, конечно, наша победа – без преувеличения – на фронте борьбы с голодом. Вопрос жизни и смерти решается у нас теперь не случаем, как раньше, внезапной смертью от бомбардировок, от снарядов, а вопросом времени, сколько мы еще можем продержаться, и каждый день играет роль. Смертность в городе сильно увеличилась, умирают не только старики, но и молодые женщины, которые вообще оказались выносливее мужчин. Последнее объясняется тем, что женщины вообще меньше тратят энергии и их организм меньше требует, кроме того, многие пили ежедневно, что тоже оказало свое трагическое действие.

По слухам, в городе умирает до 9000 чел. в день²⁵ – положение города поистине катастрофическое.

Вчера читал беседу Попкова²⁶ с корреспондентом «Правды», помещенную в передовой «О продовольственном положении Ленинграда». ²⁷ Особенно реального он ничего не сказал. Одно только утешительно, что, говорит, самое трудное время уже пережито, и в последние дни доставка продуктов значительно улучшилась по сравнению

с концом декабря.²⁸ Чего, собственно говоря, мы еще не ощущаем. Ругают железную дорогу, которая работала плохо, говорит.²⁹

Сегодня я путешествовал на квартиру. Надо было взять патефон, отрез и чай для обмена на хлеб или продукты, да захватить еще кастрюлю и сковородку, чтобы поджаривать хлеб, как мы привыкли, заглянуть и в магазин, не дают ли чего вместо масла еще за 2-ю декаду декабря.

В магазине, где мы были прикреплены, конечно, пусто. Ничего – даже касса не работает. По дороге я два раза проходил «толкучку» и мне удалось купить за деньги плитку шоколаду и достать немного овсяной крупы. Кроме того, Вова передал мне телеграмму из де Кастри от Жана – «поздравляет всех с новым годом, <желает> разгрома фашистов, здоровье Гени».

Так что домой я явился с победой. Геня была очень довольна всему: и телеграмме, и крупе, и шоколаду. Мы провели хороший, спокойный вечер, совершенно противоположный вчерашнему. Но лучше о нем не вспоминать. Я чуть не плакал от обиды и раздражения, в чем, конечно, были виноваты оба: и я, и Геня. (Геня в сотый раз сказала мне, что я нормирую продукты Тиме, – что в корне неверно, т<ак> к<ак> как раз вчера Тима взяла весь свой хлеб отдельно, в свое распоряжение.) Прогремел взрыв. Сейчас мы оба спокойно вспоминали об этом как ненормальном явлении и винулись друг перед другом. Всё нервы, нервы и нервы, обострились до болезненности истощением!

Будем стараться, чтобы такие сцены больше не повторялись – ведь все это крайне ненормально – мы же знаем друг друга и никогда не ссорились. Правда, не поссорились и на этот раз.

Рынок «барахолка» представляет собой жалкое зрелище голодных людей, из которых каждый что-то носит и выменивает на хлеб, «дуранду»,³⁰ сахар или папиросы. Ходячей монетой является хлеб. Сто грамм – пятьдесят рублей. Впрочем, на другом рынке дороже – 80 руб. Но дело в том, что за эти деньги хлеба не купишь. Его не продают, но все определяется им – 100 грамм. Напр<имер>, пачка «Беломора» или «Боевые» это 100 грамм. Табак «Ялта» (стоил 12 р.) или шестирублевые – на рынке 200 гр. хлеба. Два больших куса сахара – 200 грамм. 3 пачки «Звездочки» или «Норда» – 200 грамм.

Народу масса. Но если бы собрать все, что имеется на рынке, – все это такая чепуха, такая малость, что едва ли бы хватило одному человеку на месяц. Конфет и сахару набралось бы не более 10 (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.).

Посуда, самовары, обрезки кожи, табак, машинное масло (горючее), мыло и спички, пресловутая «дуранда» (жалкие кусочки), завернутая в грязную тряпицу, самодельные свечи, иногда елочные, дешевые портсигары, часы, соль и чай, очень редко шоколад обломанный, лепешки из неведомо чего серо-коричневого цвета, папиросы – вот почти все, что состоит предметом обмена. Ни мяса, ни каких-либо жиров, ни крупы на таком рынке не найти.

Люди толкуются на морозе целыми днями, не получив желаемого. Кто же выменяет хлеб, часто съедает тут же, даже не отойдя в сторону.

Проходя сегодня по Садовой,³¹ я увидел одну из сцен голода. Две женщины – мать и жена – привезли с работы на саночках молодого человека, с трудом заставляя его стать на ноги. Встретил и женщину, везущую в санях закутанного в большой платок, сидящего, еще не старого мужчину.

Эти картины стали обычными, и никто уже на них не обращает внимания. И мне приходилось помогать поднимать молодой женщине с ребенком ее упавшую старуху-мать и тащить ее во 2-й этаж. Обе не переставали благодарить меня всю дорогу.

Вечером мы разделили шоколад на три равные части, чтобы каждый мог съесть его по своему усмотрению. Геня, конечно, съела его весь сейчас же. Тима тоже почти кончила. Я же как-то привык уже пить чай без сладкого, с одним хлебом, и, поев бульону, только с 3-м стаканом чая съел одну плиточку из 9-ти. Я могу удержаться, хотя я всегда пил очень сладкий чай, и никто не скажет, что я не люблю сладкого.

Вопросы еды, разговоры о еде и продуктах занимают очень много времени и являются превалирующими над всем. Часто, уже лежа в постели, вспоминаем разные кушанья, печенья и варенья и даем себе обещанье, что впредь, когда появятся магазины по коммерческой цене, будем уделять <больше внимания> еде и приготовлению. «И как это мы не сделали запасов!» – это часто повторяется и варьируется на разные лады.

16/I. Принесенную мною овсяную крупу мы с Геней поджарили и перемололи в мясорубке. Сегодня она достала два кусочка сала (шпику) (мяса на «рынке» не было) и два маленьких кусочка сахару. Я разделил крупу на 4 части и сало – нам необходимо, чтобы этого хватило на 4 супа. Задачи дележки – труднейшие задачи. Суп вышел, как и все, что мы едим – «великолепный», хотя шпику пришлось там не более чем величина одного кусочка сахара. Сегодня я очень стра-

дал от недостатка табака. Последние крохи почти пыль, я безжалостно высыпал в печку, чтобы не мучиться, т<ак> к<ак> они уже не курились. Геня купила мне сегодня одну пачку «Звезды» за двадцать руб. Я был благодарен ей не меньше, чем вчера она мне за шоколад.

Куря, даже экономя дым, до последней степени (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.). Хорошо еще, что она сумела достать их за деньги – мне же это вчера нигде не удалось. Деньги совершенно лишаются всякой ценности на рынке и перестают быть разменной монетой – везде царит хлеб.

Надо срочно предпринять еще один героический рейс – пойти к вечеру домой, переночевать там и в 5 ч. утра, простояв до 11, когда бывает доставка, получить к 2–3 часам две пачки папирос, а в лучшем случае 100 гр. табаку, в табачном магазине на углу Нахимсона³² и Невского, где мы получали с Тимой раньше.

Бросить совсем курить теперь, не имея возможности чем-либо заменить, заглушить потребность еды и курения, невозможно – я готов не есть целый день, чтобы сберечь 200 гр. хлеба, но чтобы курева в это время было достаточно. Не есть же и не курить в течение целого дня – это кажется мне уже слишком трудной задачей, прямо-таки непосильной для моих нервов.

Геня меня не пускает, пока не пройдет кашель – не хочу ее огорчать.

17/1. На завтра у нас осталось 8 папирос – это при самой жесточайшей экономии, причем одной папиросой мы делимся.

Тима курит гораздо меньше – это по настоянию и договоренности с Геней. В дальнейшем она совсем бросит курить, и это является одним из необходимых условий ее поправки.

Сегодня Геня специально для нее сварила гороховый суп. Горох она достала у Юры. Ходил в булочную и взял хлеб для себя и Тимы на завтрак (Геня съедает на день вперед) – прекрасный хлеб, какого мы давно не видели со времени войны: хорошо выпеченный, свежий, пушистый и очень вкусный, даже не поджаривали, чтобы больше почувствовать его прелесть.

Решили взять хлеб вперед, и 200 гр. я попытаюсь обменять на табак, – когда пойду регистрировать карточки к себе в жакт – иного выхода нет.

Паня (соседка Гени) говорит, что уже сейчас питание рабочих в заводских столовых значительно улучшилось – обед состоит из трех блюд: дают мясное и на третье кисель. – Какая роскошь. Мы-то еще,

должно быть, не скоро будем иметь такой обед. Говорят, что с 20-го или 1 февраля мы будем получать по 350 гр., а рабочее по 500 гр. Хлеб – вот главное, чего нам не хватает!

Впрочем, и тогда мы не будем сыты. Дело не в хлебе! Это только кажется, что именно его нам не хватает. Вряд ли мы ели его когда-либо больше. Дело в том, что мы давно уже не получаем жиров, да и всего другого – сахару, мяса (которое заменяли то кровяной колбасой, то студнем в тройном размере), от этого и истощение.

Мы очень истощали, – я могу прощупать не только все ребра, но и весь свой скелет, и, ложась спать, мы чувствуем кости друг друга даже в таких местах, где о них можно было только знать и догадываться.

В комнате у нас все-таки холодно. Сосед Гени Владимир Иванович³³ даже удивился. Ведь, в сущности, мы не топим, а только кипятим воду 5 поленами, откуда же может быть тепло? Он сказал, что сам он берет дрова Кадонера, тот перед отъездом сам предложил ему и Гене. Сейчас же у него значительную часть их украли и надо брать, пока не раскрали совсем. – Наконец, можно будет заплатить ему потом или вернуть дровами, а не сидеть в холодине – я по-прежнему, как и дома, набрасываю на плечи пальто Тимы – без этого не высидишь, продрогнешь до костей.

Вечером к знакомой Гени пришел какой-то военный-спекулянт, и пошел мой патефон (моя премия из арт<ели> «Октябрь») за один килограмм хлеба.

Хлеб я решил утилизировать так: двести грамм я возьму с собой на рынок, когда пойду к себе, и обменяю его на табак; 300 гр. Геня обменяет на крупу или муку, а остальные 500 гр. мы разделим поровну для дополнения своего ежедневного бюджета. Я спросил еще пачку папирос – даст или нет, еще неизвестно. Он говорит, что это для другого, – конечно, врет. Сам продал мне в этот же вечер две пачки папирос «Звезда» и «Южные» за 35 руб. Патефон оценивается теперь в 500 руб. – килограмм хлеба – 500 руб. – это в 500 раз дороже его прежней цены.

Геня называет его чуть ли не спасителем: «он спасает нашу жизнь!» – восклицает она, а я называю его сволочью, мародером, дерущим с мертвого и живого, достойного только презрения! Не свой же это хлеб он меняет на предмет роскоши, а наверное краденый и во всяком случае легко ему доставшийся.

Сейчас я пишу при таком слабом свете, что совершенно не вижу букв и еле различаю строчки.

<18/I.> Город опустился, кажется, до последней уже возможности, как внешним своим видом, так и внутренним. Электричество, водопровод, канализация, трамвай, телефон, транспорт не действуют. Забитые витрины в защиту от осколков грудями песка и шлака, разбитые стеклянные вывески, почти сплошь забитые досками и фанерой окна, грязные дворы – клоаки нечистот, небрежно, во что попало одетые люди, снующие по улицам с ведрами для воды и кастрюлями и чайниками, везущие на санях какой-то жалкий скарб или просто по мостовой тащащие какие-то бревна на веревке, мужчины, закутанные до глаз в женские платки, часто с палками в руках – голод и безмерная усталость, светящаяся в неподвижных глазах прохожих, – все это производит жалкое, гнетущее впечатление полного упадка, падения.

Вряд ли кто из уехавших из Ленинграда или живущих в глубине России может себе представить все это. Нет ни света, ни воды, ни топлива, ни хлеба.

Впрочем, хлеб теперь стал лучше, но эта прибавка была заметна только первые дни. Сейчас опять, как и раньше, стоишь перед неразрешимой задачей, когда делишь на день свой хлеб. Все разговоры и мысли у нас, да и у всех – только о хлебе, в мечтах о прибавке. Ждут ее к 25-му числу.

Завтра, 19-го января, отправлюсь к себе, зарегистрировать карточки – нормы нет до сих пор на весь январь; зайду к Николаю Сергеевичу³⁴ с запиской от Тимы, она оставляла ему 30 руб. – может быть, он достал табаку или папирос, а также захвачу, Тима вспомнила, остаток (ложки две) муки в каком-то из мешочков и соль, которую тоже надо пустить в обмен. Может быть, удастся получить пачку «Ялты» за 200 гр. хлеба от патефона.

Геня еще вчера съела, кроме своего пайка, 150 гр. хлеба, который мы получили за патефон. У меня и у Тимы осталось еще на сегодня – она не может удержаться и готова съесть весь хлеб сразу, что и делает.

Ложимся спать рано – в 6–7 часов, я сижу еще некоторое время за историей искусств Мутера, но сплю плохо, и в 3–4 часа уже сон совсем покидает меня. Часы кажутся вечностью, а вставать рано, да и не для чего. Темень ужасная – окно более чем наполовину завешено и забито подушками от дивана, а в коптилке мало горячего.

Ворочаемся с бока на бок и, кажется, передумашь и вспомнишь всю свою жизнь.

19–20/1. Мой сегодняшний рейс нельзя назвать удачным. Я вышел вчера после 2-х часов и на всех фронтах не добился существенного успеха.

Банк был закрыт, в магазине огромная очередь уже получающих за первую декаду января муку, крупу («пшеничку») и друг^{ое}.

Мне же надо было получить еще за II дек^{аду} декабря масло и его заменяющий плавленный сыр. Добиться чего-нибудь, конечно, не было возможности.

В жакте регистрация карточек уже окончилась, я побежал в другое управление, но и там на сегодня закончено. Завтра – от 10 час. У Николая Сергеевича Петрова, с запиской Тимы о табаке, не достучался. И только на «рынке» мне с трудом удалось обменять взятые с собой 200 гр. хлеба (от патефона) на 100 гр. 6-рублевого табаку с доплатой 30 руб.

Пить кофе меня пригласила дочь Ольги Дмитр^{иевны} Энкен – у них «буржуйка» – я наколол ей щепок из какого-то ящика – дров у них тоже нет. Едят они, кажется, все мало-мальски съедобное – по крайней мере, при мне варили столярный клей, подмешивая туда размоченные апельсиновые корки и сахар^{ный} песок. Говорят, вкусно – что твой кисель. Впрочем, и на рынке я не раз видел в «продаже» клей, но никак не думал, что его можно есть.

Холодина у нас в комнате страшный. Я с трудом полуразделся и плохо спал до 4-х часов, покрывшись двумя ватными одеялами, ковром и своим пальто почти с головой. В 5 часов я был уже в очереди у магазина 28-м по счету. Усиленно говорят об увеличении с 21-го хлебного пайка. Многие видели не совсем обычную доставку на груз^{овых} машинах. Есть и другие симптомы.

Магазин открывается только в 9 часов. Я зашел домой погреться, так как очень озяб, стопил 2 книги из ненужных и несколько замочных окантовок, с наслаждением покурил и пошел к Николаю Сергеевичу, т^{ак} к^{ак} надо было застать его до 8 ч. Не буду описывать его приема и общего впечатления, произведенного им. Достаточно сказать, что они были крайне неудовлетворительны, а что еще важнее в данном случае неблагоприятно – табаку он не получил и не достал.

На обратном пути я масло также не получил – сказал заведующий, что за прошлое – пропало. Карточки успел зарегистрировать. Собрал все, что поручила мне взять из дома Тима, и отправился домой. Банк и сегодня был закрыт. Сосед Василий Васильевич Тюрин³⁵ – рабочий Кировского завода – все еще болеет, с тех пор как его принесли полузамерзшего. Кстати, я вспомнил, да и хотел записать об

этом, что я впервые увидел вчера просто валяющегося на улице, на мостовой; труп человека (пожилой женщины), который лежит уже здесь более 12 часов и даже проходящие милиционеры не обращают на него внимания. Говорят, уже умерло 1¹/₂ миллиона. Первое чувство было какое-то чувство неожиданности, а затем сейчас же пробудился чисто художественный интерес – мне захотелось ее зарисовать в этой позе мертвеца, уже ограбленного кем-то – валенки и варежки уже были сняты. Я с любопытством запоминал тон желтого цвета лица, оскал зубов и скрюченные отчего-то, местами красноватые руки, обернутые пестрыми лохмотьями ноги. Даже на обратном пути взял из дому папку и бумагу, но трупа уже не было. Да и промерз я ужасно, хотя и закутался шарфом до глаз. Сейчас это делают не только женщины, но и очень многие мужчины, даже красноармейцы.

Все ждут назавтра прибавки хлеба, как «манны небесной»!

В полученном сегодня номере «Правды» за 17/1 (газеты приходят с большим запозданием) есть очень интересный приказ германского генерала об уничтожении художественных и культурных ценностей, истреблении мужчин, партизан и женщин в военной форме. Приказ г. Рейхенау, командующего 6-й, теперь уже разбитой германской армии.³⁶ Прочту завтра. Я так устал, придя из дому не евши (хлеб, взятый с собой, я съел еще вчера у Ольги Дмитриевны), что просто не мог читать вслух, как обычно. Прочту завтра.

Я с трудом поднялся на лестницу (3-й этаж) – не хватает воздуха, задыхаюсь, не мог сказать несколько фраз. Даже Паня, я заметил, испугалась с меня и ушла из комнаты. Потом прошло, и я с удовольствием поел ипил кофе, принесенный от Ольги Дмитриевны.

21/1. Надежды многих легковерных на увеличение с сегодняшнего дня пайка не оправдались. Хлеб выдают по той же норме. Да, по моему, и не было к этому никаких оснований. Перерегистрация карточек закончилась только вчера, и для учета и распределения, конечно, не было достаточно времени. Думаю, что для этого нужно не менее 3-х–4-х дней – примерно к 25 числу.

Тима из осторожности, чтобы не пропала эта добавочная часть нашего пайка, просила пока брать хлеб только на один день. Геня же уже съела хлеб за два дня вперед, и теперь, чтобы не остаться совсем без хлеба, на общем совете мы решили не пускать в обмен те 300 гр. хлеба, которые остались у нас от «продажи» патефона, а разделить их на 3 части. 200 гр. Геня взяла взаимнообразно до увеличения пайка, а 100 гр. мы с Тимой разделили и тут же съели. Был с Геней в новом

магазине, где мы теперь прикреплены, но выдавали только масло по 50 гр. на человека – очень большая очередь, и мы ни с чем вернулись домой.

После долгого перерыва, чуть не в месяц, этот мерзавец опять начал обстрел нашего города из дальнобойных орудий. Говорят, орудия у него на санях, он часто передвигается для того, чтобы было труднее его выследить. Наши части продолжают его теснить, и этот обстрел только показывает его бессильную ярость и отчаяние.

22/1. Никогда мы не уделяли столько времени вопросам еды и питания, как теперь. В этом занятии мы проводим иногда целые вечера. Все мечтают о том, когда настанет лучшее время, когда будут продукты, когда можно будет, хотя бы даже по дорогой цене, в коммерческих магазинах купить, что захочешь. Мечтаем не о деликатесах, а о простом, здоровом и сытном столе. Каждый вспоминает свои любимые кушанья и с увлечением рассказывает о том, как они готовятся. Мы даем обещание в первое время не обращать внимание ни на что, ни на вещи, ни на какие тряпки, только питание, питание и питание. Это главное! Мы научились ценить то, что было таким обычным, неинтересным и чему я с Тимой уделял так мало внимания. Только бы нам продержаться, не пасть, не слечь совсем. Сейчас на меня особенно подействовало известие от Гени, что вчера умерла от голода Роза Штык³⁷ – такая симпатичная, здоровая, цветущая девушка. Кто бы мог этого ожидать?....

Да, – голод ужасная вещь! И это не в какой-нибудь глуши – где, может быть, некому помочь, но здесь, в центре, в лучшем, культурном, социалистическом городе, среди родных и знакомых!

На Геню эта смерть тоже произвела большое впечатление. Она впала в пессимизм и говорит, что если через 3 дня не будет прибавки хлеба, она умрет. Мы всячески успокаиваем ее.

Обстрел города сегодня продолжался так же интенсивно, как и вчера.

23/1. Вчера я, очевидно, простудился, т<ак> к<ак> к вечеру почувствовал сильный озноб и ночью температура поднялась до 38°. Это очень некстати, – сегодня мне надо было принести дрова и наколоть щепок для подогревания.

Сейчас выдают за I и II декаду по $\frac{1}{2}$ кило ржаной муки (Геня уложила меня в постель). Она получила только по своей карточке 500 гр. муки и сварили «баланду». Все согласились, что лучше сделать погу-

ще. Получилось что-то вроде кулеша. Она получила сегодня 100 гр. масла на наши две карточки, и вечером мы ели такой густой суп, какого вообще в жизни не ели. Решили не ожидать, когда еще будут выдавать крупу, и взять вместо нее муку. Хлеб она берет, как я уже писал, на два дня вперед – 400 грамм, не может его распределить и съедает чуть ли не в один присест, оставляя к «обеду», как она сама выразилась, хлеба «с гулькин нос». Без этого, она говорит, что не способна двигаться.

Люди продолжают падать на улицах, некоторые наблюдают такую картину голода: упал истощенный человек и сейчас же умер, проходящая мимо женщина мигом обыскала его карманы и вынула карточку. Подошедший милиционер тащил ее в отделение.

Я разговаривал сегодня с одним слесарем, бывшим студентом технологического института, механического отделения. Он рассказывает о работе на заводе. В первые месяцы войны он, пока еще не привык, зарабатывал мало, потом освоил свое производство, упорно работал по 11 часов и получал в месяц по 800 руб. Сейчас же так ослабел, что, проработав 2 часа, вынужден отдыхать почти столько же и зарабатывает теперь 90 руб. в получку. Так работает теперь большинство рабочих. Нет сил, – производительность очень снизилась.

Все говорят о пребывающем по финлянд<ской> дороге продовольствия для Ленинграда – Бадаевские склады, говорят, переполнены,³⁸ все живут надеждой на прибавку, теперь уже с 25-го или 1 февраля. Говорят, рабочие будут получать 500 гр., а мы, грешные безработные и иждивенцы, – по 350 гр. Но пока ничего этого мы еще не чувствуем, и всякое разочарование в надеждах на прибавку только ухудшает наше подавленное состояние.

Выступал по радио писатель Вишневский и красиво говорил о мужестве ленинградцев, стойко переносящих все тягости и лишения, мужество которых войдет в историю.³⁹

Мы не герои, хотя мы (я и Тима) одни без помощи кого-либо другого предотвратили пожар в своем доме, когда фашистским стервятником были брошены зажигательные бомбы, на наш дом напавшим так внезапно, что даже и не был дан сигнал воздушной тревоги. Мы дежурили на чердаке; вдруг слышали сильный свист и огонь; пробив крышу, бомбы упали на чердак. Одна из них пролетела над нашей головой и упала в 2–3 шагах. Первое мгновение у меня мелькнула мысль, что это снаряд. Но, увидев горящую и сыплющую искры бомбу, я крикнул к Тиме: «Бомба!» и сейчас же схватил ее рукой, чтобы бросить в бочку с водой, но не попал. Она упала между бочкой и рельсой. Тима, ин-

стинктивно пригнувшаяся в первый момент, когда мимо пролетала бомба, сейчас с непонятной для нее силой отодвинула рельсу, и мы, мгновенно засыпав ее песком, бросились дальше, где потушили 3 бомбы. Все помещение чердака было полно дыма – мы наглотались его, так что горло сдавливало кольцом. И когда поднялись наверх управхоз и другие члены ПВХО – все уже было ликвидировано.

В жакте нас торжественно поздравили – жали руки и называли спасителями – составляли протокол. Потом нас выбрали в президиум собрания и поместили две статьи в стенгазете.

Мне хотелось записать этот эпизод, сейчас он вспомнился в связи с выступлением писателя Вишневого – и у нас есть гордое сознание, что мы тоже что-то сделали для обороны города. Кроме того, Тима, как и многие тысячи ленинградцев, участвовала в постройке оборонительных укреплений на подступах к Л<енингра>ду более 2-х недель, а я работал в городе, в саду Народного Дома⁴⁰ по рытью и укреплению траншей.

Наш дом по Б<ольшой> Московской, 14 пострадал, вернее его крыша, только от зажигательных бомб. Два дома против наших окон – №№ 9 и 13 сильно пострадали от фугасных бомб – еще в октябре месяце, и № 9 от артиллерийского снаряда. Рядом, на Свечном переулке, произошел пожар от зажигательных бомб, брошенных одновременно и на наш дом, но где не сумели их потушить вовремя.

Многие из эвакуировавшихся из Ленинграда еще два-три месяца тому назад даже не представляют себе того, что мы теперь переживаем, не понимают нашего положения – состояния людей изголодавшихся, лишенных самого необходимого: света, тепла, воды, хлеба; ослабевающих с каждым днем и умирающих медленной голодной смертью. Они пишут наивные письма своим родным, что у них, в Сибири, трудно купить теперь сахар и манную крупу, и просят выслать им посылки. Некоторые даже высказывают сожаление, что уехали из Ленинграда.

Никто не знает истинного положения вещей! Все это звучит для нас очень наивно и глупо. Но очевидно, что тот, кто не пережил этого, не в состоянии все это себе представить, и мои бесхитростные заметки – ленинградца этого тяжелого времени – приобретают некоторую ценность. Буду и дальше продолжать их по мере возможности, т<ак> к<ак> ведение их дает какой-то выход тому томительному бездействию, на которое я обречен сложившимися обстоятельствами.

Мороз стоит у нас большой, до 30° – пусть мерзнут проклятые фашисты! Будут помнить русскую зиму! Обстрела сегодня не было.

Последние дни раздражение нашей теперешней хозяйки Гени стало совершенно невозможным. <5 нрзб.> но даже обычный в общезитии вопрос вызывает у нее целый несмолкаемый поток разных слов и оскорблений. Никогда она такой не была. Всегда была отзывчивой и чуткой, ко мне относилась с уважением, к Тиме с сестринской любовью.

Сейчас от этого не осталось и следа. Каждое твое слово, сказанное по отношению к ней, толкуется вопреки всякой логике и здравому смыслу обратно. Иногда эти разговоры грозят почти полным разрывом наших отношений. Она не способна выслушать другого и понять – тысячу раз твердит об одном и том же, и нестерпимо слышать это, хотя ты давно уже молчишь.

Можно было бы иллюстрировать это многими примерами, но ни к чему. Ее раздражает даже тиканье нашего маленького будильника.

Одним словом, <2 нрзб.> чрезвычайно обострились, до последней степени нервозность. Все это, конечно, понятно. Одна, без Жана, борьба за жизнь, этот военный комиссариат и др. – она не владеет собой во многих отношениях, даже запретила задавать ей вопросы.

Я понял ее – к ней надо относиться как к больному, ненормальному человеку. Мы не можем жить общей жизнью, как думали, идя сюда с открытым сердцем и душой, чтобы помогать друг другу в это трудное время. Мы не могли найти общего языка – и договорились с ней на том, что она действительно (она согласна) ненормальный человек. Но странно то, этот ненормальный человек находит в себе достаточно сил для того, чтобы сдерживаться, когда Юра (посторонний человек, а не родная младшая сестра) говорит ей слова истины, нередко приходившие мне на ум, что животные инстинкты у нее особенно обострились – все сводится к вопросу еды. Он выразился грубо: «Ты, как собака, набрасываешься на всех, когда голодна, и смирна, когда сыта!». Она не только не вспыхнула, но отнеслась к этому совершенно покойно. Вот этот-то контраст в отношениях к двум разным людям, из которых один – близкий родной человек, а другой посторонний, – меня и поражает. Каждое слово к Тиме звучит приказанием, резкостью, ненавистью. К другому же нет.

Я знаю и другие примеры подобные и даже худших проявлений обнаженной животной природы. Мужья расходятся с женами и живут на чужих людях (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.). Другие идут на воровство и преступление, у Гени же в ее жизни главное внимание обращалось на питание. Готовить – это ее страсть. Вот почему этот вопрос так у нее обострялся и выливался в такую грубую, нетерпимую форму.

Ожидаемая прибавка пайка наступила неожиданно с 24/1. Нам – иждивенцам – прибавили только 50 гр. хлеба (получаем теперь 250 гр.), служащим 100 гр. (получают 350 г<р.>) и рабочим 50 г<р.> – получают теперь 400 гр. Таким образом, заметили эту прибавку только служащие. Рабочие и мы – совершенно не ощущаем этой куриной прибавки в 50 гр. Поэтому это особенно обидно должно быть рабочим, как тратящим наиболее физической энергии.

Я лично думаю, что эта прибавка, конечно, долгосрочная, и в связи с продолжающимся<ся> прибыванием потока продуктов в Ленинград она, конечно, будет увеличена с 1 февраля.

Газету мы получаем с большим запозданием – живем слухами и разговорами, которые доходят до нас, опережая газету. Вот и сейчас в связи с прибавкой и о наших успехах на Западном фронте. Говорят, взята Двина, осажены Великие Луки, все почувствовали себя как-то бодрее. К сожалению, это приподнятое настроение значительно отравилось новым нашим житейским, бытовым бедствием. Нет воды! Нам и так с большим трудом доставалось каждое ведро, которое приходилось разыскивать и простаивать в очередях, тащить при таком морозе, ничего еще не евши, на 3-й этаж.

Мы с Тимой поели новый суп – поджаренные мной корки хлеба в горячей воде вместо кофе или чая.

Наконец к 5 часам Геня узнала, где нашли воду, где-то довольно далеко в проруби на Пряжке. Я предложил свои услуги. Ведро сняли, и я пошел.

Навстречу мне уже шли люди с полными ведрами. Спросил, где вода, – да вот, говорят, у пожарников. И действительно, только теперь я обратил внимание, что чуть не вся половина улицы запружена выброшенной из окон спасенной мебелью. Дальше стояла пожарная машина. Оказывается, горел соседний дом. Конечно, от недосмотра, от т<ак> наз<ываемой> «буржуйки». Обрызгавшись водой, я набрал воды себе и какой-то женщине и вернулся домой скоро с полным ведром. С трудом отдышался уже в комнате, после подъема. Оказывается, даже ведро воды было мне не по силам.

Мы перешли теперь на другой диван, дальше от печки, где спал Юра. Геня сама захотела, чтобы мы готовили отдельно, отдав ей 100 гр. муки (она, очевидно, сознала свою страшно неудачной), и т<аким> образом мы совершенно отделились друг от друга. Придется просто считаться с ней только как с квартиро-хозяйкой. Всякие разговоры с Тимой она считает излишними. Что ж? Придется уйти в свой мир, жить обособленно на положении терпимых.

Вечером мы уже сами варили из полученной мной вчера муки «баланду» – она у меня получилась с галушками. Геня же очень страдала от болей в желудке. Сама попросила чашечку чаю – варил 3 чашки (чаю она никогда не делала). Я налил ей, спросив, не хочет ли она хлеба.

Из сегодняшних впечатлений сильнее на меня произвело зрелище трупа мужчины под аркой нашего двора. Мужчина лежал навзничь, лицом к земле (так в рукописи. – *Б. Е., А. Д.*), без шапки и ботинок. Наверное, ограбленный, может быть, тем, кто его вез. Очевидно, что его к нам подбросили, не доведя до кладбища. Рассказывают, что это тоже один из уже обычных способов освободиться от трупов – подбрасывание ночью.

Хлеба мне сегодня не удалось достать нигде – там не хватило, здесь булочная не открывалась. Говорят, все это из-за недостатка воды. К счастью, я обеспечил ею нас вчера у пожарной. Дом продолжал гореть и сегодня до 10 ч. вечера.

Что значит удача? «Достать» – не купить, а именно «достать» что-нибудь по карточке, что тебе полагается по самой минимальной норме, после долгого стояния в очереди – это уже удача.

Гене сегодня удалось получить для себя и нас мясо – пресованное. Радости ее не было конца. Все было забыто, она много раз спрашивала, доволен ли я, но больше всего довольна была, конечно, она. Нечего говорить, что свое мясо она съела, крошив и поджарив сейчас же, сегодня. Мы же сегодня не получили даже хлеба. Я два раза пек лепешки из муки, и мы два раза ели их с кофе.

Весь день она была очень оживлена. Дали бы нам хорошее питание, и все пройдет. Она воскреснет, будет царить, как королева бала. Весь день прошел в хозяйственных заботах – я выносил ведра, приносил дрова, мел комнату, два раза ходил в булочную, кипятил воду и делал лепешки.

Табак у меня совсем вышел – это наибольшее для меня лишение. Единственный выход из этого положения – скопить 250–300 гр. хлеба, идти на рынок. Завтра это мы получим и за сегодняшний день. Мы почти безболезненно сможем отделить их от сегодняшнего полученного пайка и обменять их на табак или в крайнем случае папиросы. Словом, без «несчастья не бывать, говорят, и счастью», как вчера с водой и пожаром.

Надо встать в 4 ч. ночи и занять очередь, так как магазин откроется в 6 ч. утра – хлеб, я думаю, не пропадет.

27/1. Газет нет. Ходят упорные слухи, что наши успехи по окружению германской армии, осаждающей Ленинград, подвигаются очень успешно. Уже взята Старая Русса, на днях освободят Великие Луки.⁴¹ Надо замкнуть кольцо, окружив немцев, как они окружили Ленинград, надо отрезать им все коммуникации, уничтожая транспорт, надо заставить их переносить все те лишения и ужасы голода, которые мы испытываем, надо отомстить им, заморив холодом и голодом, наконец, надо уничтожить их, не выпустив ни одного, не дав им пробиться. Пусть все лягут здесь до единого – это будет только справедливое возмездие! И я верю, что так будет!

Транспорт товаров к нам идет потоком, по уже <1 нрзб.> исправленным и вновь проложенным путям по Ладожскому озеру, но дальше идет только на автомашинах до 300 машин, делающих по 3 рейса, а оттуда медленно – слишком сильно укрепились немцы и нам их скоро не одолеть в этом пункте. В таком случае мы одолеем их окружением. Возьмем голодом.

В городе, несмотря на прибавку хлеба и жиров (150 гр. масла), все те же неполадки и разруха. Все так же нет воды. Сегодня я ходил по воду на Пряжку. Сегодня я встал в 4 часа ночи и, простояв до 9, получил хлеб за вчерашний день, сегодня и день вперед. Хлеба получил много 1 1/2 кило и Гене 250 гр., но выделить 350 гр. на табак было очень трудно. Так соблазнительно было поесть его побольше. Но курить тоже надо. И сегодня я отправился на Сенной рынок, где с трудом достал пачку «Ялты» за 350 грамм. И еще с большим трудом я принес воду. Отдышка или сильно затрудненное дыхание при подъеме с большим трудом позволили мне подняться, несколько раз оставиваясь, на 3-й этаж.

Как бы то ни было, я все-таки после упорного сопротивления тоже победил на всех фронтах этой отчаянной борьбы голодного человека за жизнь.

Мы мечтаем о весне – сколько с ней соединено надежд – таких живых и бодрых, – мы сами расцветем, расправим крылья и заживем новой, очищенной страданием жизнью.

Декабрь был самым тяжелым временем, и мы его пережили – теперь будем жить! И жизнь свою мы построим иначе, мы с Тимой еще больше поняли друг друга, сумели оценить, и остаток лет, который нам положено прожить, мы проживем лучше. Страдание многому нас научило.

Я увидел у Жана 3 прекрасных открытки, уже использованные, присланные кем-то родным из-за границы – 2 Рембрандта, 1 Рубенс

и 1 Карьер.⁴² – Долго боролся с желанием взять их и наконец, поделившись своей навязчивой идеей с Тимой, решил взять их для себя. Конечно, я скажу об этом Жану – он поймет и не осудит, и, конечно, он их мне уступит. Это такой милый человек! «Широкая натура», полная бескорыстия, отзывчивость – все те его качества, о которых часто говорит Геня как о недостатках и которые я очень ценю. Редко встретишь такого милого человека. Тима вполне разделяет мое мнение.

Я очень устал, совершив сегодня такие подвиги, как вода, рынок и хлеб. На завтра – моя боевая задача только дрова.

Дни стали значительно длиннее – мне очень хочется написать замерзшее окно, иней и траурную процессию, которую сейчас встретишь на каждом шагу. Но нет света. Может быть, мне удастся сделать эту группу в скульптуре из пластилина. Буду дома, захвачу его и стеки.⁴³ Хочется работать – а выхода нет. Хорошо, что удалось написать хоть *nature morte*.

Я видел сегодня троих мужчин, везли два трупа на одних саночках, навалены один на другой. Нижний завернут..... всегда, верхний же раздет чуть ли не догола, в скрюченной, замерзшей позе. Конечно, эта группа нескульптурна, да мало ли что. Ведь и «Граждан Кале» Родена⁴⁴ называют нескульптурными. Не в этом дело!..

Я делюсь своими мыслями и желаниями с Тимой, и она меня понимает и утешает. Мы находим в друг друге взаимную поддержку.

28/I. Геня заболела и к тому же съела весь свой хлеб вчера – сегодня ей не дадут. – Мы ее подкормили, сделав суп из костей и муки, и она сразу поправилась, оживилась и говорит с Т<имой> совсем в другом тоне весь день. Все это показывает, что все ее нервы, настроение, все придирки и бестолковость порождены голодом.

Мы же с Тимой не теряем бодрости и мечтаем, что с весны, со светом я буду много работать. Мы часы проводим в разговорах об искусстве и моей работе, о понимании искусства, о жизни художественных произведений, мечтаем даже о моем возврате к лепке, к скульптуре и даже о перемене профессии художника-плакати́ста на скульптора, хотя бы в театр<альной> бутафор<ской> мастерской. Все это она разделяет со мной – моя незаменимая подруга жизни. – Нет, и голодом нас не возьмешь – я все-таки художник, хотя сейчас я превратился в собственного иждивенца – домашнюю хозяйку. Наслаждаюсь табаком «Ялта», историей Мутера, мечтаем о работе и искусстве, хотя завтра опять предстоит стояние на морозе с 4 часов ночи до неизвестного времени, когда привезут и будут выдавать хлеб. Опять

замерзание в очередях – борьба за жизнь, за кусок хлеба – для себя, Т<имы> и Гени. Опять поиски воды, дрова, печь и суп из поджаренных корок хлеба с уже остатками муки, ограничение в хлебе, для обмена на табак и т. п. прелести – теперешнее не жизнь, а существование.

29/1. Сегодняшний день был для меня, а потому и для других (Тимы и Гени) исключительно неудачным. Несмотря на то, что я встал в 4 часа – очередь за хлебом была уже около 400 человек (магазин открывается в 6), но выдавали только вчерашний хлеб, которого не успели выдать вчера за поздним привозом. Этого хлеба на нашу очередь, конечно, не хватило. Оставшиеся остались ожидать нового привоза, и было неизвестно даже заведующему, когда он будет. Я, предупредив, конечно, своих соседей, пошел домой, чтобы сделать номера более 150 штук, а когда пришел весь замерзший, так как не ношу валенок, то оказалось, что уже раздали номера без меня, и мне пришлось стать самым последним. Еще не раз я поднимался с трудом домой на 3<-й> этаж, не выдерживая томительного ожидания на сильном морозе, но подвоза так и не было. Наконец, вышла заведующая булочной и сказала, что ей звонили по телефону, что сегодня хлеба не будет из-за мобилизации транспорта для нужд Красной Армии.

Таким образом, я, очень устав и продрог<нув>, только со стаканом пустого чая, простоял напрасно на морозе в очереди 13 часов, с перспективой повторить этот подвиг и завтра.

Вечером неожиданно пришла Леля⁴⁵ и сказала, что она имеет возможность сегодня получить хлеб для всех нас на 3 дня, т. е. до 1 февраля, если кто-нибудь пойдет с ней на площадь Труда. Идти куда-либо (надо было привезти и воду) я уже не был в состоянии. Геня, окрыленная неожиданной надеждой, пошла с Лелей, но вернулась ни с чем. Хлеба не привезли, но ей удалось договориться с соседкой, что та заодно возьмет и нам всем паек за 3 дня за 100 гр. хлеба. Это, конечно, безумная цена, но слов нет, и пришлось согласиться. Только таким образом нам обеспечен хлеб. Вообще же хлеб есть, а если его нет, то выдают муку. Задержка происходит исключительно из-за местных условий – транспорта, отсутствия электроэнергии и т. п. объективных фактов.

Вечером вместо чая (нет воды) пили давно взятую бутылку подогретого пива. Много мучился с коптилкой. Остатки горючего по неосторожности разлила Геня на пол, и едва успеваю записать эти несколько слов. Горючее я взял «лаковое масло», употребляемое для живописи (наверное, Жана, хотя Геня говорит, что оно принадлежит

Юре). Какое он имеет отношение к живописи. Сомневаюсь – наверное, это Жана. Юра же употребляет его в подогретом виде в пищу. Нет! Суррогатов таких и подобных мы еще не ели, надеюсь, и не будем есть. А Энкен, я сам видел, варила столярный клей с сахарным песком. Да мало ли что теперь едят – сегодня говорят, что 2 родителей съели своего двухгодовалого ребенка. Но повторяю, я лично все эти ужасы считаю маловероятными.

В моей очереди за хлебом упала от истощения молодая женщина лет 30, и я отвел ее с помощью другой женщины из очереди домой, на канал Грибоедова. Позже тоже в очереди ее мать поблагодарила меня за оказанную помощь ее дочери, фамилия их К<нрзб.>, и рассказала, что 1-го января умер ее муж.

В другом доме, на ул. Халтурина, нашли целую семью в разных комнатах и даже кухне, умерших от той же обычной теперь причины – голода. Почти в каждой семье есть уже умершие голодной смертью. Снабжение все еще не налаживается, как обещал Попков в своем выступлении, и люди валяются, как сонные мухи. С каждым днем все больше и больше – как от какой-нибудь эпидемии.

Гобсек⁴⁶ (Юра) обещал нам сделать одолжение, как он не премировал подчеркнуть, и продать нам две пачки махорки за 75 руб.

Наше невольное и полное голодание сегодня позволяет нам сразу отделить 350 гр. <хлеба> на табак, и 31-го, идя за новыми карточками в жакт, я приобрету табак, так что этим мы будем обеспечены еще дней на десять.

Я разделил табак на порции и стараюсь жестко его нормировать.

Поздно вечером мы, покушав разведенные подогретой водой жалкие остатки нашей баланды и выпив по стакану подогретого пива, я почувствовал большое удовлетворение, хотя за весь день никто из нас не имел во рту ни крошки хлеба. Как мало нам надо в том состоянии, в котором мы теперь.

Сегодня обстрела не было.

30/I. Нетерпение Гени, когда был принесен хлеб, было непередаваемо. С ней сделался буквально пароксизм – она умоляла меня как можно скорее одеться и отделить от обещанного хлеба ее паек, так умоляла и обещала тысячи благодарностей, как будто от этого сейчас, сию минуту зависела ее жизнь и «всякое промедление смерти подобно».⁴⁷

Я, даже не одевшись, как обычно, поспешил это сделать. – Она сейчас же набросилась на этот хлеб и с трудом отделила немного на завтрак. А хлеба было 750 грамм.

Я же разделил хлеб как обычно, отрезав сразу 350 гр. от нашей общей с Тимой порции для обмена на рынке завтра на табак, принес дров, расколол, нащепал щепок, затопил печку и вскипятил воду, поел его, поджарив (вернее, подсушив немногим более, чем обычно).

Тима тоже немного не удержалась и съела вдвое больше, чем обычно, да это и понятно, после вчерашнего дня, когда мы не видели ни крошечки хлеба, настроение у Гени сразу приподнялось, она уже не назначает дни, когда она умрет, и собирается со мной пойти по воду на Пряжку с санями, чтобы помочь мне сразу взять много воды.

Приходил Юра и показывал некоторые старинные ювелирные ценности, которые я рассматривал с большим интересом: золото, серебро, хрусталь и камни.

Иногда к нам заходит Паня, соседка Гени, рабочая с N завода, простая, скромная, отзывчивая женщина – в трудную минуту она не раз приносила нам пару папирос. Я плачу ей тем же вниманием.

Должно быть, под влиянием сегодняшнего спокойного для Гени дня (она никуда не ходила, а хлебом обеспечена на 2 дня) она совершенно успокоилась после вчерашних эксцессов. Мы все вместе у горячей печки мечтали вслух о том счастливом времени, когда в будущем мы соберемся вместе, наш маленький коллектив, у меня на квартире, чтобы сообща устроить тихий вечер, хорошо закусив горячим блюдом с вином, спокойно посидеть в чистой уютной комнате, попить чайку, послушать патефон (Генин), поговорить, и может быть, чтобы почувствовать всем вместе глубокую радость освобождения от этого кошмарного, но уже пережитого сна. Жаль только, что не будет с нами Жана – наверное, он все еще будет в армии, далеко, далеко от нас!

День прошел весь в хозяйственных домашних заботах. Я два раза ходил за дровами, колол, рубил, мел, выносил грязь и, наконец, ездил на саночках с Геней по воду, чтобы набрать ее на два дня. – Мы случайно набрали воды прямо посреди улицы, недалеко от нас, из маленькой проруби, образованной водой из пожарного края. Были очень довольны, что это близко и нам не пришлось идти на Пряжку.

Обстрел города продолжается. Наши войска взяли Лозовую на юге,⁴⁸ – нам, ленинградцам, не легче, но мы живем этими успехами, вселяющими в нас надежду и мужество, которых я лично никогда не терял.

31/1. Опять мой очередной «героический» рейс окончился полной неудачей, боевая задача была получение продовольственных карточек на новый месяц – февраль. Но я пришел домой ни с чем. Жакт

был закрыт. Карточки еще не получены. То же и относительно получения масла за 2-ую декаду декабря. «За декабрь ничего не выдаем» – таков был ответ заведующего. Только на «рыночном» фронте, после упорного сопротивления, мне удалось одержать крупную победу. За 300 гр. хлеба я получил 100 гр. отборного табака. Михайловой и Энкен не застал дома. Я очень натер себе ноги на пальцах – получились ссадины до крови – очень медленно возвращался домой.

Значит, завтра опять предстоит то же удовольствие и еще более «героический» рейс, т<ак> к<ак> надо принести ватное одеяло М. М.⁴⁹

1/II. Мне все удастся с большим трудом, с большой затратой энергии. На этот раз я наконец получил карточки, но опять-таки не без борьбы. Ко мне вдруг почему-то придрался управхоз и не хотел давать карточек, пока я не представлю ему свидетельства о переучете.⁵⁰ Дурак, я лучше слежу и знаю об этом деле и, конечно, сумел доказать ему свою правду. Он смирился и молча стал ставить печати на карточках. Но этим и ограничилась моя победа. Дальше меня да еще в большей степени ожидающ<ую> меня Тиму ждали горькие разочарования. Хотя и носят слухи, что везде привезли массу хлеба, но в наших булочных его уже не оказалось.

То же и с Михайловой – она в том же положении полуумирающей и денег (ее долг 250 р.) не отдала, как и ключ, который не мог найти и я сам. Очень жалко, что не взял сани, чтобы тащить мамино одеяло, которое оказалось мне уже не под силу, я с большим трудом, еще более намучив ноги, задыхаясь, не евший целый день хлеба, после всех неудач – вернулся домой. Согрели кофе, попили с Тимочкой и легли спать почти совершенно голодные, если бы не Геня, занявшая до завтра 250 гр. хлеба.

Наутро я сравнительно легко получил хлеб для себя и Гени. Нам на 3 дня, Гене – на два. Она была вне себя – так умоляла меня потопиться и разрезать ей хлеб, когда я его принес. Тут же без чая или кофе, лежа, держа обеими руками, даже не разрезав, съела почти весь без остатка, хотя чувствовала себя очень неважно, должно быть, простудившись. Потом горячо меня благодарила за все. Нет – это решительно больной человек, совершенно не владеющий собой – то же и Михайлова съедает весь хлеб, паек 250 гр., в один прием. Мы же с Тимой сумели благоразумно удержаться и даже отделить 100 гр. – чтобы копить его в обмен на табак.

Варить нечего – и мы сварили бульон из гренок из хлеба – это наш обед. Это мое изобретение и приготовление. Во время своих пе-

риодических путешествий по городу я вижу все те же картины, о которых я уже писал, но количество их все увеличивается. Навстречу мне все больше и больше идут картины голода (медленно умирающие люди) во всех его проявлениях от хождения или беганья с ведрами в поисках воды и стояния в очередях, медленного передвижения с помощью палки в одиночку, на детских саночках, от временной потери сознания и падения на улице до полного, уже совершенно безнадежного обессиливания, лежания часами на улице и, наконец, до последнего шага, тайного подбрасывания трупов, зарывания их в снег на улицах или «стаскивания на свалку», как теперь принято выражаться.

Нервы притупляются, картины эти кажутся обычными, и ты сам начинаешь проходить мимо них равнодушно, как будто это все обычные, нормальные явления. Да, общая усталость увеличивается, теряешь силы и способность реагировать – сам делаешься полутрупом во всех отношениях. Печально это для человека!

А между тем наши победы на фронте все возрастают – трофеи с 16 по 26 января колоссальны, особенно на Запад<ном> фронте.⁵¹ Только на нас это еще не отражается. Население не почувствовало облегчения и почти никто фронтовыми делами не интересуется – каждый занят только одной мыслью – хлеб, протянуть, не умереть.

Температура у Гени 39,2° (!?) – она упала в соседней комнате, я помог ей, а днем она съела свой хлеб, взятый на 2 дня, – 500 гр., и вечером, когда соседка ее Паня – принесла ей в подарок (очень добрая женщина) немного сахарн<ой> пудры, которую она только что получила, простояв 3 часа, – Геня, съев ложку без всего (хлеба уже не было), спрятала его (т. е. сахар. – *Б. Е., А. Д.*) под подушку, не желая с ним расстаться. – Завтра, конечно, в один прием не будет у нее и сахара. Поди же – поговори с ней! И такая она теперь во всем – не способна здраво думать и поступать. Но я уже, кажется, повторяюсь, как повторяется это каждый день. Это болезнь, а выздоровление еще очень не скоро, и не стоит больше говорить об этом.

Обстрел города продолжается – говорят, до 150 выстрелов в день.

Дни проходят так же однообразно, похожи один за другим – обе мои женщины лежат. Тимочка в прежнем состоянии большой слабости. Геня в состоянии простуды, температура с утра 38,7 – я же исполняю все работы – ношу дрова с трудом – останавливаюсь на каждой площадке от затрудненного дыхания, иногда и ночью доходящего до удушья, когда уже мелькают мысли о смерти, привожу воду, которую приходится брать на Пряжке, колю дрова, делаю щепки, кипячу

воду, приготавливаю кофе и суп из хлебных гренок (без крупы, муки, мяса и жиров!), вечером опять кофе, а наутро опять мерзну в очередях, то за хлебом, то за сахаром, мясом, солью и проч.

Иногда принести дров помогает Юра, но большую и труднейшую работу все-таки исполняю я, и когда он бывает, то приходится кипятить до 6 кастрюль в день (то кофе для Юры и Гени, то для бритья).

У меня нет ни минуты покоя, все надо: и комнату замести, и убрать на столе, и вынести грязное ведро.

Мой пластилин, кисти и краски, мечты работать здесь, в «тепле» – все это разбивается о суровую действительность и отодвигается к далекому будущему, когда будет тепло и светло.

С трудом отрываем от своего пайка по 50 гр. в день и собираем с Тимой на табак. Иногда сижу в темноте без света – спать так рано в 7 часов не могу, хотя и устаю за 12–13 часов такой непривычной для меня работы.

Паня иногда выручает горючим, иногда – папиросами (милый человек); тоже пишу эти заметки, продолжаю и составляю конспект «Истории искусств⁵² XIX в.» Мутера – эти минуты являются единственным некоторым удовлетворением.

Чувствую себя гораздо слабее, чем пришел сюда месяц назад, а последние дни такую боль в икрах ног, что думал, не начинается ли у меня расширение вен. Каждое движение стоит усилия, преодоления боли и слабости. Но я, кажется, уже заговорил о своих болезнях, как старик. А впрочем, я и чувствую себя постаревшим, по крайней мере на 10 лет.

Паня рассказала, что у них на заводе усиленно говорят о увеличении пайка хлеба с 7 февраля; нам – иждивенцам – до 400 гр., служащим – 500, рабочим – 600. Что же, будем ждать и надеяться. Надо держаться и не свалиться и мне, третьему.⁵³

Сегодня встретил у себя на лестнице процессию, по ступеням спускали на санях женскую, завернутую в простыню, обвязанную веревкой, фигуру женщины. Как все эти трупы похожи один на другой – все одни скелеты.

Газеты не приходят, только по слухам знаем, что наши опять сдали Феодосию и Керчь.⁵⁴ Успехи же на Ленинградском фронте все те же – слишком незначительные, не имеющие для нас существенного значения.

6/II. Сильное впечатление произвела на меня трагическая сцена, произошедшая в нашем кооперативе, когда я, встав в 6 ч. утра, стоял

в нем в очереди за хлебом. – Молодой человек лет 25 вдруг схватил кусок хлеба с прилавка, на котором в стороне расположилась, упаковывая в сетку, впереди его получившая хлеб, и сейчас же на глазах у всех стал его жевать, закрывая рот обеими руками. Женщина с диким воем: «Отдай хлеб!» – бросилась на него, сорвала с головы его шапку и пыталась отнять от его рта руки. На помощь ей подоспели другие, окружили, оттолкали, и какой-то мужчина начал обшаривать его карманы, ища в них карточки. Чем это кончилось? Не знаю – мне тяжело было видеть все это, и я ушел, хотя и пытался его оправдать.

Дома меня также ждало еще более сильное потрясение, чуть не до слез. По поручению Юры, который был вчера и помог мне привезти воду с Пряжки на 3 дня, я передал Гене хлеб – 100 гр., вместе с ее пайком. В ничем не сдерживаемом порыве внезапной радости и благодарности от неожиданного получения хлеба (в общем количестве 350 гр.) Геня чуть не со слезами поцеловала мне руку, в которой я держал хлеб (хлеб этот Юра продал Гене за 30 руб.). Мы тоже купили у него по 100 гр. – из которых около 100 отделили на обмен табака в дополнение к собираемому нами хлебу 350 гр.

Никакой особой благодарности к нему за это не чувствовал, а тут вдруг такое резкое проявление ничем не сдерживаемого чувства. Это было что-то необыкновенное, я бросился утешать ее как ребенка, хотя у самого навертывались слезы.

Свой хлеб 350 гр. Геня, конечно, съела тут же в постели, в один прием, не оставив ни крошки и выпив 3 чашки черного кофе (конечно, без сахара), и сразу на весь день почувствовала себя бодрее и веселее. Сейчас же стала одеваться, пошла к отцу. На днях они уезжают.⁵⁵ Ей⁵⁶ должны 300 гр. хлеба за одеколон, но не отдали, и даже не отдали Юриных часов. Геня вернулась в возмущении и ужасе.

Ляся⁵⁷ очень опустился – унижался и молил Геню, чтобы она разрешила ему жить у нее. Он без работы – бросил Веру, ночь ночевал у отца и теперь пришел к ней. Но она была сурова и безжалостна, не простила его позорной вины перед ней⁵⁸ и, позволив переночевать, почти буквально выгнала его на улицу.

Это, конечно, ее дело – это ее личные счета, и я не знаю, не поступил бы и я так же на ее месте.

С Тимой, она начала сегодня подниматься с постели, мы сделали в этой страшно запущенной комнате в отсутствие Гени – уборку. Вообще сегодня день у нас необыкновенный – день «чистоты и порядка». Я побрился и подстриг Геню, все мы умылись, чего не делали по неделям из-за холода и недостатка воды; и вообще привели в порядок

и стол, и книги, и посуду. – День прошел очень мирно и тихо. Вечером я вслух читал газету за 1-е.

Все продолжают говорить о прибавке хлеба для нас, иждивенцев, с 250 до 400 гр. Завтра выдают масло – и сливочное 28 р. кило – его не видели месяцами – все мечтали, как вкуснее его съесть.

Обстрел города продолжался весь день.

<Между 7 и 10/II.⁵⁹> Ура! Сегодня большая радость! Я был у себя на Московской, надо было захватить Долины⁶⁰ туфли, которые требовал отец Тимы. Они уезжают – эвакуируются. Сосед Тергеш Вова передал мне две телеграммы: одна от Доли с фронта: «Здоров. Доля. Елец» – и всё. Но и этого довольно! Самое главное сказано – он жив. Ведь сколько месяцев не было от него никаких известий ни у кого. Это только 2-я телеграмма за 7 месяцев этой убийственной войны. А ведь он был на самой границе. Чего только мы с Тимой не передумали о нем. Ну, слава Богу, как говорят. Будем надеяться и ждать!

Другая – от Жана – беспокоится о здоровье Гени, поздравляет с именинами.⁶¹ Значит, тоже все в порядке! Ну, как же тут не радоваться.

С этими вестями я чуть не летел домой, хотя очень устал, выламывая буль,⁶² чтобы достать жадному старику туфли сына, которого он в мыслях, наверное, уже похоронил. Жаль было ломать заднюю стенку буля, хорошая старинная работа, но и открыть ключом нельзя (сломал ключ); они уезжают, и я не хочу, чтобы они думали, что я намеренно задерживаю и хочу воспользоваться чужой вещью.

С трудом я дотащился до рынка – табаку нигде не было – все вздорожало. «Беломор» пачка – 250 гр. хлеба, «Антракт», «Шутка», «Красная Звезда» – 150. Махорка осьмушка 200–250 и только после долгих и тщательных поисков мне едва удалось купить 100 шт. «Шутки» за 350 гр. хлеба.

Нет! Трудно теперь, тяжело ограничивать себя и в табаке, а придется. – Еще труднее в 3–4 дня собирать столько хлеба!

Многие говорят об участившихся случаях нахождения в сугробах снега, который теперь на всех улицах не убирается, подброшенных, ограбленных мертвецов с вырезанными у них кусками мяса в мягких частях тела.⁶³ Даже называют улицу Халтурина и дом, где арестованы 2-е: муж и жена, на месте преступления, когда они ели умершего собственного мальчика. Ужасно такое падение человека в наше время здесь, в культурном городе Ленина, – мне вспомнился «Уголино, пожирающий собственных детей» Родэна⁶⁴ – какой ужас!

Мои ноги отказываются работать – я шел туда, опираясь на палку Жана, дома – радости не было конца – мы думали и говорили о времени, когда Доля вернется и будет жить у нас. –

А «родителям сюда уже не вернуться» – чужие, черствые, скупые и мелкие люди даже в отношении своих детей.⁶⁵ Сейчас это жестко обнаружилось, ну да не мое дело! Не буду писать об этом. Все обнажается, как я уже писал, в своей безобразной наготе!

Завтра я никуда не иду – Геня щадит мои ноги и силы и сама с Юрой привезет воду и дрова. Хлеб для себя и Тимы я получил сегодня легко – почти нигде нет очереди – хлеба везде много.

Ужасная семейная сцена – «достойная кисти Айвазовского!»⁶⁶ – отец и дети. Самое грубое проявление низменных инстинктов и побуждений – бешенство жадности, самолюбия и бессердечности, хамское проявление насилия в отношении больной, лежащей в постели, истощенной и обессиленной голодом дочери.⁶⁷ Действительно сцена, «достойная кисти Айвазовского»!!! Но не буду распространяться об этом – это касается близких меня людей – Тимы и Гени, и я не могу быть беспристрастным. К тому же я и раньше презирал этого человека по очень и очень многим причинам, лично меня ни в каком случае не касающимся. Довольно! Буду о другом, но уже слишком омерзительная, гнусная сцена, и я не могу не упомянуть о ней, тем более, что и она – это озверение отца – в значительной степени обнажена условиями нашей теперешней жизни – голодом.

Соседка Паня часто заходит к нам, угощает папиросами, приносит с завода и подливает в нашу коптилку керосин и вообще иногда выручает Геню. Я решил отблагодарить ее, как могу, и обещал написать ей картину. Она хотела бы цветы и фрукты. Сейчас у нас уже значительно посветлело, я открыл большие половины окна, и я смогу понемногу работать, хотя бы даже так, для нее. Она принесла две рамки – картины сразу будут оформлены, и я уже набросал вечером композицию обоих «natur-mort'ов» мелом, на обрезках старой лубочной картины какого-то любителя-самоучки, которые дала мне Паня.

Сергея Ивановича⁶⁸ завернули в простыню, положили в кухне на плиту и прикрыли черным. Если бы Владим<ир> Иванов<ич> был интеллигентным – я бы попросил его позволения написать маслом голову С. И. – мне бы очень хотелось написать умершего голодной смертью. Но боюсь, он откажет – не поймет, да и писать в кухне уж очень будет холодно. Придется отказаться от этой мысли.

В этой же квартире живет женщина с 2-мя детьми, у которой уже умерло 4 близких человека – два брата молодые – 34–36 лет, муж

и мать. Голод косит людей все сильнее, целые горы лежат штабелями на Канонерской,⁶⁹ и, когда их сумеют похоронить, неизвестно.

Умирают в полной памяти, – я сам чувствую необыкновенную слабость и резкую боль в икрах, лому в бедрах и, присев, едва могу встать – как очень больной дряхлый старик. В зеркале я вижу, что и лицо мое сильно исхудало и деформируется. Тоже неплохо было бы написать – не надо и покойника! Сидеть на стуле тоже <больно>, очень болят кости, и я сижу на подушке.

У нас сегодня «пир»! Геня за меня и Тиму получила мясо, и я по совету Пани сделал котлеты (с хлебом), а на первое обычную «баланду» из подогретого хлеба. На 3-е Паня принесла по одной папиросе («Краснофлотских»). – С каким, давно забытым и в то же время знакомым, но усиленным в 20 раз удовольствием я жевал эту котлету. Я сам их порубил и приготовил – в первый раз в жизни!

Но сытости, конечно, не почувствовал, а у Тимы после еды начались спазмы желудка.

Надо рассчитывать папиросы – их осталось очень немного от сотни, и с завтрашнего дня опять копить хлеб. – Тяжело отрывать от себя же – но ничего не поделаешь – без них еще труднее.

Говорят, Попков – председатель Ленингр<адского> совета – расстрелян за вредительство в снабжении,⁷⁰ за замалчивание об истинном продовольственном положении Ленинграда. Ведь даже на фронте все уверены, что мы уже не голодаем. Ужасаются приезжающие – глазам своим не верят. О вредительстве Попкова – не думаю, просто человек не справился со своей действительно очень трудной задачей и хотел это все замазать.

Все ждут с 11, с завтрашнего дня, прибавки (я не надеюсь), даже называют нормы, твердят, что в Ленинграде уже очень много продуктов, особенно масла и мяса; а «воз и ныне там».⁷¹ Пока-то мы еще раскачиваемся! Можно протянуть ноги, как сотни тысяч голодных ленинградцев.

11/II. Паек хлеба для иждивенцев увеличили. Но на какую птичью порцию: на 50 грамм; служащим – на 100 и рабочим на 100. Таким образом, рабочим – 500, служащим 400, а мы, грешники, 300 гр. – уж слишком ничтожная прибавка. Но это, думаю, ненадолго. Несомненно, в этом же месяце норма будет увеличена.

Сегодня я уже не домашняя хозяйка-иждивенка – далек от печки. Сегодня я художник, но, к сожалению, не свободный от вкуса заказчика, в данном случае Пани. Задание – два «natur-mort»: «Цветы»

и «Фрукты» – я сделал подмалевки для обоих. Лучистым по гамме и цвету считаю цветы: розы розовые, бледные, кремовые свет<ло>-желтые и пунцовые в светло-серо-зеленоватой вазе и сине-кобальтовая чашка с золотом на серо-зеленовато-фиолет<овом> фоне. В фруктах не успел еще выбрать фон. Цветы писал часа два, и Тима восхищается тонами, Геня и Юра тоже.

В общем и я ими удовлетворен, хотя, пиши это для себя, я бы на этом, конечно, не остановился. Ну да ладно – и это слишком даже хорошо для такого заказчика, как сказал Юра. «Поразительно быстро и так хлестко». А папирос хватит только на завтра, хотя я с большим усилием стараюсь ограничить себя в курении. Тима же курит не более 6–7 папирос в день.

К вечеру ели опять обычный суп – «баланду» из подогретых крок хлеба. На завтра не будет и сахара, и масла. Табачная проблема еще более остра – за день-два нам не собрать 350–400 грамм – будем сидеть без табака.

Вечером Паня опять поддержала нас горючим, и я имел возможность продолжать свой конспект Мутера. Ночью часто не спим с Тимой. Она тоже решила изучить историю живописи нового русского искусства по Бенуа⁷² – я этому очень рад – хочет быть подругой и в этом отношении.

12/II. Продолжаю свою работу над «nature-morte» и, конечно, увлекаюсь – пишу как для себя. Сегодняшняя прибавка нормы на хлеб не очень порадовала – дали только на 50 гр. больше – т. е. 300 гр. на иждивенцев. Слишком незначительное увеличение, и мы с трудом оторвали от сегодня и завтра 200 гр. на табак. Геня получила горох по новой норме. Прибавка такая же ничтожная – 50 гр. для иждивенцев, сейчас же его сварила и, хотя почти съела сегодня уже помимо своего пайка еще на день вперед, все-таки сварила горох и только по настоянию Юры немного оставила на завтра. Никакие разумные доводы не действуют, даже ругань Юры, прямо говорящего ей, чтоб она была человеком, а не зверем. Она даже не сварила его как следует – «Больше работы желудку – это лучше!» – Для себя она находит даже медицинские оправдания. А завтра опять будет целый день ныть, хотя ест больше, чем мы, курящие, отрывающие от себя на табак. Гороха нам хватит на 3 дня, и съедим мы его по-человечески.

Ко дню Красной Армии 24-го фев<раля> (так в рукописи. – Б. Е., А. Д.) ожидается решительное наступление на нашем фронте, ожидается и дальнейшая прибавка. Несомненно, это улучшение должно

быть в этом месяце на обоих фронтах. Приближается весна – надо до тепла освободить Ленинград и снабдить его более заметно. Вместо Попкова теперь Андриенко⁷³ – может быть, этот справится лучше.

Нога у меня как парализованная, и я с трудом передвигаюсь по комнате – и как достать табак? – еще более тяжелая проблема. С<ергея> Иван<овича> похоронили сегодня. По-прежнему в течение нескольких минут на улице встречаются по шесть, семь трупов, по 2, по 3 сразу на каждых санях.

Но я с Тимой крепко держимся, не унываем и не ноем и крепко надеемся, что выживем для еще более дружной и общей, лучшей жизни. Еще, еще немного терпения и мужества и все будет хорошо! «Врешь, – нас не возьмешь!» – как говорил Чапаев.

«Nature morte» с фруктами, претерпевая некоторые изменения в процессе работы, приближается к концу. Особенно восхищает всех груша-бере желтая, сочная, бугристая, лежащая на первом плане. Удачна и группа трех яблок на втором и корзинка с вишнями, которой я заменил яблоки, на третьем плане. Я еще не удовлетворен фоном – однообразн<ым> светл<ым> – но завтра я его перепишу, усилив <I нрзб.> света в право<м>... и с<к>радивая в тень фона плетенку с вишнями в правом угле.

Никуда не хожу – боль в ноге не ослабевает, и пока сижу и пишу – забываю все.

Сегодня был «обед»: гороховый суп (конечно, без мяса и жира), а на завтра Юра Объедов предложил нам на наши талоны взять обед из института, и мы будем иметь по 2 тарелки супа и 1 второе (колбаса или мясо). Попробуем, хотя мы лишаемся за это и масла по 10 гр.

Паня предложила Гене, что один старик неподалеку хочет услуг – платит хлебом. Я советовал узнать адрес и условия и попробовать. Кажется, я и сам бы пошел за 200 гр. хлеба в день на несколько часов, если бы так не болели мои ноги. Тима заработала за штопку чулок у Юры – 100 гр.

Просто грешно, но мы пускаем их завтра с Геней (я не могу ходить) на табак на Клинский рынок⁷⁴ вместе с 300 гр. хлеба, с болью оторванными у себя раньше. Платить же 600 руб. за кило хлеба, как сделала вчера Паня, – мы не сумасшедшие. Может быть, это и противоречит одно другому – абсурдно, далеко не равноценно, но оба независимо так решили – рискнем 400 гр. ради табака.

Сегодня мы без табаку – нет ни крошки, и Геня ничего не нашла на рынке, только купила Юре три папиросы по 5 руб.

Ну, если так, то курить мы не можем! – Надо бросить! И сегодня мы промучились первый день без курения. Очень тяжело присоединять еще одно тяжелое лишение к цепи других. Вот, например, я лишен на несколько дней и кофе или чаю. Геня катастрофически запретила мне и Тиме потребление жидкостей. Я заметил сегодня, что шишолотки на обеих ногах у меня совершенно заплыли от опухоли, а кожа на ногах, да должно быть и теле, вся в какой-то сыпи или точках.⁷⁵ Все проявления и последствия того же голода. Во всем один корень – одна причина – голод, голод и голод.

Очень страдал от отсутствия курения; я с Тимой почти съел весь накопленный на табак хлеб в почти 350 грамм. – Все это очень поэтично <?> <2 нрзб.>.

Трудно сейчас даже записать что-нибудь, словно сон – очень клонит ко сну.

Подвергаюсь и подчиняюсь режиму, установленному безапелляционной Геней для скорейшего излечения от отеков. Утром $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ стакана воды (чай – кофе), вечером очень немного ($\frac{1}{2}$ тарелки супа) и вечером же не более 1 стакана чаю.

Сегодня совершенно не курил – Тима тоже. Из всего мяса сделал и стушил в нескольких ложках супа. Вышло несколько ложек крепкого бульона и мясо. Хлеб съели весь, без остатка – от накопленных 400 гр. на табак уже не осталось и следа.

Немного пописал, уже почти закончил оба nature mort'a.

Ноги мои все хуже и хуже. Я едва передвигаюсь по комнате, какая-то непонятная боль в верхней части левой икры не дает возможности выпрямить левую ногу. Массаж не помогает, а других средств нет. Приходится подчиняться и плыть по течению – пассивно. Это и будет лучшей самозащитой в данном случае.

Тима очень похудела – сегодня все часто плачет по пустякам. Мы все очень постарели, отощали не только лицом и наружностью, всей фигурой, – даже целые части тела исчезли – изжили себя (под голодом). Я не узнаю даже ошупью своего тела. – Происходит такая замечательная деформация, что некоторые части тела исчезают целиком (напр., ягодицы). Это ужасно. Seriously обсуждали вдвоем вопрос, выживем мы или нет.

Сейчас 7 часов, приходится ложиться спать из-за света – нет керосина в коптилке.

Кожа дряблая и покрыта вроде сыпью, легко прощупать.

Окончил оба «naturmorte». Зашел к нам в комнату и увидел мои работы Дмитрий Павлович – капитан-моряк; очень понравились,

и когда я сказал, что могу писать все, обещал дать заказ (конечно, и продукты) написать для него. Он очень хотел бы портрет девочки – маленькой – 3–4 лет. – У них нет детей, и они очень хотели бы иметь хорошую картину. Что же делать? В этих условиях и это хорошо! напишу, что захочет – пусть только питает побольше.

Ноги мои по-прежнему – хотя я уже только утром выпил 1½ стакана да днем суп из гороха, а вечером не пил ни ложки.

Завтра начну миниатюру – маслом со своих «фруктов» на открытке для альбома «nature-morte», и конечно, кое-что подвергнется изменению. Если миниатюра удастся чистой, то напишу на открытке с натуры – может быть, автопортрет – голодающего человека или портрет Тимы в постели.

Начал писать на открытке свой «nature-morte» «Цветы и фрукты» (яблоки, груша, вишни, сливы, бокал вина и цветы в вазе) с таким увлечением, что продолжаю его даже при свете коптилки. Конечно, завтра придется его переработать – сделать цветовой вывод – гамму. Буду писать и с натуры – 5 nature-morte на картонках небольшого размера, но все-таки значительно больше открытки. Даже простой nature-morte у Гени на столе: лампа, старый будильник, книги, банка с клеем, да мало ли что можно хорошо написать.

Юра отдаст в мое распоряжение свои предметы – посуду, вазочки, подстаканники и прочие предметы – все к моим услугам, и я с увлечением и пользой поработаю.

Ведь я не выхожу уже из дому, боль, может быть невралгическая, в левой ноге под коленом особенно с утра тяжелым грузом лежит на ноге. С трудом, держась за мебель, передвигаюсь по комнате, но сидя не чувствую боль и могу работать спокойно. Не курю уже третий день и второй день пью утром только один стакан воды – вечером ничего. Этот режим восстан<авливает> силы и гонит отеки.

Читаем по вечерам вслух Диккенса «Большие надежды» я, Тима и Юра – только Геня не принимает никакого участия. Да она и не может слушать или даже выслушать.

Мы не моемся по целым неделям из-за недостатка воды, и сейчас моя рука, пишущая эти строки, черным пятном лежит на фоне белой страницы. Сейчас 11 часов вечера – я лег после нашего обеда, когда начало смеркаться, выполняя требование Гени постельного режима для моих больных, отекающих ног. Проспали мы до 11 – впереди еще целая ночь, и мне решительно нечего делать, спать же дольше не могу.

Сегодня днем я успел немного. Окончил всю возню с папиными карточками, т. е. прибил сзади веревочки, почистил рамки, вставил

работы и даже повесил у себя на стене, чтобы не болтались под руками, затем продолжал работу над своей миниатюрой – Тима в восхищении (жена плохой судья) таким красочным, колоритным, мощным начат у меня натюрморт.

20/II. Опять Геня усиленно заговорила о моем здоровье и режиме. Соль нельзя, перцу нельзя, чаю 1 стакан в сутки. Лежать кверху ноги – все это для того, чтобы прошла опухоль. Но она меня не так беспокоит, как икра левой ноги. Я растирал ее сегодня – оказалось, какая-то полная деформация. – Икра разделилась как <1 нрзб.> на две части поперек, и верхняя особенно болезненная и желтая. В чем дело? Не пойму.

Тяжко, давит так, что, пожалуй, придется ехать мне на саночках за карточками в жакт на март месяц. Но кто меня повезет? Дойти же самому – то я не вернусь. Завтра придет Юра, и Геня хочет свезти меня к врачу – знакомому – смогу ли дойти?

Начал писать на двух картонках миниатюры – два «natur morte» – Гени стол (лампа, будильник, книги, <1 нрзб.>) и другой – из мет<аллических> предметов Юры. 2-й, кажется, неудачно составлен, завтра перекомпоную. А первый очень интересен и даже изящен, хотя я его только прописал (ведь пишу без грунта), просто на белой бумаге – некогда растворять клей, да нет и мелу или зубного порошка.

Хотел отдать и повесить Пане ее задание, которое придется отдавать так дешево: за керосин в коптилку – просто обидно. Даже по определению Юры, далеко не компетентного в этом деле человека, эти две картины стоят не менее 200 руб. и как обидно отдавать их за такую безделицу (в другое время), но раз обещал – то надо сделать. Паня говорит, что не хочет их сейчас вешать – бережет, надо новые обои и проч., а пока спрячет. Хорошо, что они уже в рамках. Словом, свое детище я пристроил, а сам даже отказался от 100 руб., которые Паня* предложила на краски. Ну, может быть, она отблагодарит чем-нибудь другим – неужели не поймет? что отделаться керосином в таком минимальном количестве ну прямо неудобно!?

21/II. Сегодня я с Тимой варил суп из белой, американской лапши. Не было только масла. Тима по-прежнему не встает, а я еле двигаюсь, держась за предметы. Ко дню «Красной Армии» обещают что-то выдать дополнительно, все ждут прибавки на 100 гр. хлеба, а сей-

* Испр.; в рукописи: Геня. – Б. Е., А. Д.

час появились сушеные овощи. Мясо Геня получила 200 гр. на двоих. Завтра будут давать сахар или подушечки.⁷⁶

Уже и я, кажется, начал очень интересоваться этим вопросом, который у Гени пожирает все. Я спокойно могу серьезно думать о том, как тают мои силы и, что весьма возможно, что я не дотяну до лучших времен. Ведь главное движение, усилие уже утомляет, даже одевание, – голова, чувства, мысль работает, мне кажется, нормально, да и голод не так уж ощущаешь, даже полное отсутствие табака и то переносишь; словом, не теряешь своих чувств, желаний и проч., – а ведь так, оказывается, и умирают в полном сознании и памяти. Но, черт не выдаст – свинья Гитлеровская не съест – будем надеяться, что доживу.

А рядом, за стеной у Пани, вчера похоронили мать – это уже 5-й человек в одной семье (два брата рабочие 36–7 лет, муж, отец, мать и девочка).

Картина зловещая – вымирают от голода целые семьи!!! – Да разве это единственный пример?

Умер и Як – Великолуцкий скрипач – милый, мягкий человек и большой музыкант – мы часто встречались в ресторане «Москва» или «Метрополь», где он играл в оркестре в последние годы.

А Кострикин, Новиков Юр<ий> Алекс., Гохштейн⁷⁷ – старик – восторженный юноша – ничего мы о них не знаем, и если сами еле тянем (Тима очень часто стала плакать), то что же говорить о них?..

Да, невесело все это! Ну, да будь, что будет, а пока я все еще могу работать, а следовательно – жить!..

Задумываюсь, стоит ли продолжать эти записки – ведь вот и конец тетради – я никуда не выхожу в последнее время, мало вижу, мало слышу, или, вернее, все одно и то же, вечные нагоняи и раздражение Гени, разговоры и повторение как машина одного и того же вечного нытья и пори<цания?>; а в городе стрельба, мертвецы, очереди за хлебом и водой, ужасная антисанитария во дворах, кражи дров и проч. и проч.

Стоит ли писать об этом? – Повторяться, а конца этому, несмотря на конец февраля, не видно. Те же неполадки и в снабжении, несмотря на то, что даже по радио сообщают о бесперебойном снабжении Ленинграда.

Все то же, все то же.... Надоело!.. Лучше буду писать свои миниатюры да кончать Мутера – это полезнее будет!..

<Между 22 и 27/II.>⁷⁸ Последние 4–5 дней непрерывно идет ка-нонада. Особенно она усиливается ночью, вот и сейчас 12.40 – я еще

не сплю (исполняю режим: пью один стакан воды в день и лежу, подняв вверх ноги) – при свете коптилки набрасываю композицию маленького *natur morte* из Юриных металлических предметов, а канонада гремит, почти непрерывно. Каждые 3–4 секунды – это наши ленинградцы выполняют приказ наркома – ко дню Красной Армии 23-го очистить Ленинград от засидевшейся сволочи, прорвать и закончить с блокадой. – Задание очень трудное – они прочно укрепились за зиму – окопались, и трудно выковырять их оттуда. Безнадежно их дело: Ленинград проигран, и, я думаю, навсегда. – Наше же личное положение, мое и Тимы, очень, очень плохое; сидя на постели, с трудом поднявшись, мы серьезно обсуждаем вопросы нашей личной жизни и смерти, взвешивая шансы и за и против. Это не порождено отчаянием или упадком духа, нет, дух по-прежнему и здоров и добр, мы не отказались от своих надежд и планов на будущее, на возрожденную, новую жизнь, нет – все еще живет в нашей душе надежда; но мы просто и здраво смотрим в лицо нашей суровой действительности, отлично сознаем свои силы, все свои оставшиеся возможности и, учитывая и взвешивая все наши ресурсы, стремимся придти к логическому выводу. Шансы оказались равны – мы можем так же спокойно умереть, как и тысячи других ленинградцев, еще далеко не старых, но уже истративших в борьбе с голодом свой запас жизненных сил. Мы не лучше других – единственный плюс это то, что оба мы не работаем и живем в сравнительной тени. Но ведь рядом тоже в таких же условиях живут люди и вымирают почти целыми семьями. Да, вопрос остался открытым.

Дышать тяжело, двигаться по комнате почти невозможно, и дело, конечно, не в опухоли (я ведь не мнителен), не в болезни, а в невероятном ослаблении всего организма, всего тела, когда малейшее движение стоит тебе усилий и учащенного дыхания.

Ну, да я пожил, довольно, но Тима молода, много еще в жизни впереди, и мне больно смотреть на нее, до чего она стала жалка. Жалуются на бессилие, на боль головы, на острые приступы голода – спазмы в желудке, даже после еды. Но что я могу сделать, чем помочь. Только утешением и надеждой. Это действительно – проповедь на тему «Утешение утопающему во время кораблекрушения», как не раз говорил дядя Витя Шулькевич⁷⁹ – классический образец богословской трепологии.

Последняя страница в этой тетради выйдет не совсем обычной. Мне пришлось сегодня пережить несколько очень напряженных, тревожных минут, минут страха, отчаянного желания удержать, остано-

вить минуты растерянности и, пожалуй, беспомощности и опасности за жизнь родного, близкого человека.

Это случилось сегодня с Тимой; я встал раньше ее и занялся обычной уже работой по приготовлению к топке печи, как вдруг, взглянув на Тиму, увидел, что она закатила глаза, сжала руки и, дергаясь головой, как в судорогах, повалилась на подушки, с трудом хрипит. Я очень испугался, обцеловал все ее лицо. Мне живо представилось, что она умирает, и так страстно захотелось удержать здесь ее жизнь. Я закричал Юре, но <он> одевался очень медленно и методично. Я разжал рот Тиме и приподнял ее, пощупал пульс и сердце. – Вскоре она пришла в себя.

У Гени же сегодня уже в кооперативе вырезали из сумки 800 гр. хлеба для нее и Юры. Она, конечно, в ужасе. Геня же продала за 600 гр. пластинки <?> – Обьедову и ее патефон <?>. Мы пообедали ячм<ень?> – он делает <1 нрзб.>.⁸⁰

<ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ>

Февраль 28. – Начал я вести эти записи с тем, чтобы описывать в них те исключительно тяжелые, теперь могу сказать, убийственные, переживания нашего города, порожденные многомесячной блокадой и бомбардировкой, но внешние события, жизнь и успехи нашего фронта так редко доходят до нас, так мало кто интересуется этим, а газеты мы получаем так редко и нерегулярно, что все наши интересы сводятся к личной жизни, вернее – борьбе за жизнь, и мои заметки невольно сводятся к дневнику.

Вопрос<ы> личной жизни и смерти стали для нас самым реальным – эта проблема заслоняет все остальное.

Мое состояние делается угрожающим. Несмотря на увеличение пайка хлеба до 300 гр., увеличение крупы до 200 гр., я чувствую себя гораздо слабее, чем два месяца тому назад, когда мы только переселились сюда, к Гене. Сейчас у меня сильно отекли обе ноги, начали пухнуть веки и кисти рук. С трудом передвигаюсь по комнате, не выходя из квартиры по целым неделям. Только и хватает сил, что наколоть утром дрова и щепок, затопить печку да, сидя на подушке (иначе сидеть больно), писать мал<енькие> natur mort'ы. Утром подымаюсь совершенно разбитый и одеваюсь с трудом.

Тимочка моя продолжает лежать в постели, очень нервничает и плачет, глядя на меня, на изменения, которые происходят в моем лице и организме.

Все-таки, несмотря на это, я должен был пойти сегодня к себе в жакт за карточками на новый месяц. Шел около 3-х часов. Управхоз даже не узнал меня и спросил, что мне нужно. Не узнала и Юдина в жакте. А они еще держатся на прежнем уровне.

Узнал от Тергеш, что Ольга Дмитриевна Енкен умерла 18-го. Вещи ее часть будто забрала ее подруга, а вещи Барзуковых взяли они на хранение. Вернее, все расхитили, как теперь полагается, и Ирочка, уехавшая на днях с институтом (Горный), ничего не получит.

Вот и здесь почти вся семья вымерла от голода. Мать, муж, жена, дочь спаслись тем, что уехали.

На днях у нас в кухне опять лежало на плите два покойника – мать и дочь, маленькая девочка, только два дня <как> пришедшие сюда к родным.

А у Поли (соседки Гени) вымерли за время войны от голода два брата по 36–37 лет, муж 37 лет, мать и дочь.⁸¹

<...> почти вприглядку.

Получили песок 200 грамм и съели его в два дня. – Хотелось есть прямо ложками, не отрываясь.

Иногда Геня приносит суп или второе из института Лесгафта, где Юра устроил ей это. Она берет и по нашим карточкам – <1 нрзб.> вырезают талоны на мясо, крупу, масло, сахар.

Да, есть над чем подумать! Вопрос поставлен ребром, и надо употребить все усилия, чтобы разрешить его в положительном смысле.

Нам необходимо продержаться еще около 2-х месяцев, и тогда будет ясно, что мы выживем – мы победим!

Но как это сделать? – Силы убывают, и это было бы с нами (мною и Тимой), если бы не помощь и забота Гени, которая одна еще из нас троих держится на ногах и, проявляя поразительную для ее организма энергию, достает нам пайки, хлеб, воду и проч. Конечно, в том холоде мы бы давно уже слегли, а может быть, и давно уже были бы на «свалке».

Хорошо одному Юре, получившему наследство от трех умерших одна за другой старух, получивш<ему> и 2 комнаты, и обстановку. Теперь он многое приносит сюда и с помощью Гени и Пани продает и меняет на хлеб. Кроме того, обедает в институте и пользуется рационом (кажется, 70 руб. в месяц). Здесь, у нас, за ним ухаживает Геня, тоже часто варит ему, не жалея дров, нас же часто упрекает во всем, а иногда доходит до того, что гонит из комнаты – от него же все терпит с небывалой кротостью и терпением – на этой почве часто у нее с Тимой доходит до ссор, но через 2–3 часа опять

все по-старому. Люди просто стали ненормальными, в этом вся разгадка и причина.

Вчера загорелся наш дом ул. Печатников, 15, с фасада – шестой этаж, как и большинство домов в последнее время, от «буржуйки». Несчастные люди, оставшиеся без крова!...

Март 22. Ну, кажется, я дошел до точки – до последней черты. Уже третий день совсем не встаю с постели. Малейшее движение, даже поворот на другую сторону, доставляет громадную тяжесть и боль. Ворочаемся с Тимой оба на кровати, как черепахи, медленно, со стоном, дышим тяжело и часто, к этому и у меня и у нее кашель, от которого трудно откашляться, – и вообще напоминаем собой каких-то безобразных, беспомощных животных.

Только когда ешь или дуешь <на> горячий чай – как-то отвлекаешься, делается теплее и ты оживаешь.

Март не внес нам нового – прибавки хлеба не было. Мы прикупили и, бывало, съедали по 400 гр. – но наесться невозможно, сколько бы ни съел. Главное – мясо и сахар, а их так мало. Это одно могло бы меня поддержать до 1 апреля, как говорит Геня. С 1-го хлеб увеличат до 400 гр. для иждивенцев, 500 – служащим и 600 рабочим – на этом точка.

В городе, говорят, большие изменения, пошли троллейбусы, кое-где трамваи,⁸² очищаются дворы. Сильная эвакуация. Высылка с иностранными фамилиями.⁸³ И меньше, значительно меньше стало народу. У нас на плите в кухне появился еще один труп – кажется, старухи от Тихоновых. Последнее время начали появляться германские разведчики – усилился патруляж и обстрел из зениток (они стоят на стадионе Лесгафта), а по ночам, а то и днем слышна сильная канонада и сверкают зарницы.

Говорят, 16-я армия генерала фон Лее<ба>,⁸⁴ блокирующая Ленинград уже 6 месяцев, вчера окончательно уже окружена. Всё это слухи – газеты получаем плохо, да никто почти не интересуется внешними событиями, хотя это важно для нас, – кроме меня и Тимы.⁸⁵ Все заняты (Геня и Юра) менкой вещей, которые все продолжает приносить Юра со своих 3-х квартир; тут и обувь, и калоши, и платья, и часы, пояса с пряжками, посуда и драгоценные вещи до обручальных колец включительно. Институт собирается эвакуироваться, и Юра с ним.

Мы опять начали понемногу курить. 2 папиросы курим вдвоем 4 раза. Сейчас 1 папироса стоит 5 руб. на рынке, пачка – 125 руб., а хлеб доходит 100 гр. до 40 руб.

Я с Тимой решили <...>⁸⁶ – сделать все, чтобы спастись. Ведь обидно умирать здоровому человеку от голода, когда уж близок час освобождения от блокады, близка весна. Уже сейчас только утром холода, а днем, говорят, на солнце тает.

И так хочется работать – писать и писать! Столько планов и проектов!!!

Неужели не доживем? Не дотянем? А силы убывают с каждым днем! За это время я все же успел написать небольшой, но характерный «ленинградский пейзаж», полулежа в постели. – Окно с драпировкой, на подоконнике 2 пустых бутылки, кусок хлеба в газете и миска с ложкой, за окном обычная картина – силуэт старухи, везущей труп на санях без гроба, и другие 2–3 фигуры. Мне кажется, что вышло неплохо. Окончил карандашный автопортрет – «Ленинград 1942 г.». Он нравится Юре по светотени, а мне вообще по выражению.

Хочу написать, в ran-dan⁸⁷ ленинградскому пейзажу из окна, эскиз улицы: движение по мостовой, очередь и лежащий, брошенный труп мужчины на первом плане (как я видел его у нас под аркой). Может быть, потом напишу и уставшего мальчика, присевшего на труп отца на санях. Рисунки, вернее наброски, у меня уже давно сделаны.

Только надо сил, сил и сил!!!...

Хотелось бы сделать и в скульптуре тоже мальчика или старуху с мальчиком и трупом.

Неужели не дотяну? – Сознаю, что трудно, очень трудно выползти из того состояния, что я теперь, но надо надеяться! надо! – нельзя опускаться и унывать.

Геня тоже идет на помощь и делает, что может, обещает, продав Жана туфли, купить мяса и часть уступить для меня, пока я не продам свои вещи. Только мясо и мясо может меня спасти. Мясо, сахар и хлеб!

Иногда нам удастся прикупить хлеба. Вот сегодня Геня купила 400 гр. за 160 руб. И мы не могли удержаться и съели его сразу с сахаром, которого осталось всего на один день, и чаем. Я больше склонен к сахару – Тима к хлебу. Просто до самых горьких слез.

Вечером опять драмы и комедии с Геней! То нападает на нас, гонит вон из своей комнаты, то целует Тиму, доведенную ею чуть ли не до истерики, и обещает все свои силы приложить, чтобы спасти меня.

Мое положение хуже всех. Дальше идет только потеря способности владеть руками, кормежка с помощью Тимы и смерть.

Ночью плохо сплю и кашляю всю ночь, просыпаясь каждый час – задыхаюсь от кашля. Ноги подтягиваю руками – с постели не встаю – сам приподняться не могу.

Утром, попив кофе, чувствую себя бодрее духом, кашляю меньше, кое-что могу делать, а ночь бесконечная!.. Ведь мы ложимся в 8 часов и лежим до 9 – чего только не вспомнишь из своей жизни – ведь 41 год чего не передумаешь и трудно, трудно выжить.

Нужна поддержка каждый день, а ее нет!

Сегодня умерла жена Тихонова⁸⁸ – этого спекулянта и мародера – она имела все, вплоть до варенья (не говоря о масле и крупе) и шоколаду. Правда, она изнурена была родами. Перед этим на плиту в кухню положили старуху. Так что у нас сейчас опять двое. – Это уже 5 человек при мне!⁸⁹

¹ Примеч. 1949 г.: «Тамара Михайловна Ганкевич, урожд. Гольдберг, – жена художника».

² Примеч. 1949 г.: «Эти страницы являются наброском предисловия к дневнику».

³ Примеч. 1949 г.: «На Б<ольшой> Московской улице (в районе Кузнечного рынка)».

⁴ Здесь и в дальнейшем слово «натюрморт» (nature morte) часто пишется и по-русски, и по-французски с неточностями; оставляем авторское написание.

⁵ Примеч. 1949 г.: «Евгения Михайловна Жандецкая, урожд. Гольдберг, – сестра жены <свояченица художника>. Проживает на ул. Союза Печатников».

⁶ *Енкен Ольга Дмитриевна* (1883–1942) – дочь горного инженера, выпускница Литейной женской гимназии и 8-го педагогического класса частной гимназии Л. С. Таганцевой. В 1905 г. вышла замуж и по месту работы мужа жила сначала в Томске, затем в Москве, Ревеле (ныне Таллин) и на Украине. С февраля 1936 г. библиотечный техник Консультационно-библиографического отдела Публичной библиотеки, с сентября 1938 г. библиотечкарь 2-го разряда. Умерла во время блокады, в феврале 1942 г. (см.: *Киселева Л. К.* Енкен О. Д. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. словарь. СПб., 2003. Т. 3. С. 221–222). С. В. Ганкевич ниже иногда пишет ее фамилию иначе: *Энкен*. О ее дочери И. Енкен сведений не обнаружено.

⁷ В рукописи: «наклеенными полосками»; исправлено нами.

⁸ *Объедов Юрий Борисович* (1904–1979) – композитор, выпускник Ленинградской консерватории (1931) по классу композиции В. В. Щербачева, окончил и по классу фортепиано М. В. Юдиной; пианист-концертмейстер в клубах Ленинграда (1931–1933), заведующий музыкально-учебной работой в Школе художественного движения при Институте физкультуры им. П. Лесгафта (1933–1942). После эвакуации из блокадного города – художественный руководитель Дома культуры Армии во Фрунзе (1942–1944), заведующий музыкальным отделом Комитета по делам искусств Киргизии (1944–1945); затем – музыкальный режиссер Всероссийского гастрольно-концертного объединения в Москве (1945–1946), художественный руководитель филармонии Удмуртской АССР и преподаватель Ижевского музыкального училища (1948–1954). Вернувшись в 1955 г. в Москву, был членом репертуарно-редакционной коллегии Управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР (1964–1974).

⁹ Примеч. 1949 г.: «В ин-те Лесгафта».

¹⁰ Примеч. 1949 г.: «<Г. М. Ганкевич поясняла:> Когда Геню выписали из больницы, оказалось, что хлеб по карточкам у нее вырезали на несколько дней вперед. Эти дни она была без хлеба. После болезни ее освободили от воен<ной> обязанности».

¹¹ См., например: «А похлебки, “баланды”, которую каторга продает по 5 копеек ведро на корм свиньям, отпускают сколько угодно» (*Дорошевич В. М.* Приговаривается к каторжным работам... // *Дорошевич В. М.* Сахалин: (Каторга). М., 1903. С. 180).

¹² Примеч. 1949 г.: «По-видимому, второй раз – в 5 ч., а третий – вечером, в 8–9 ч.».

¹³ См.: <*Без подписи*>. Все силы – на разгром врага! // Ленинградская правда. 1941. 6 нояб. № 265. С. 1.

¹⁴ См.: *Бондарев А., Борцев С.* 45 дней в боях с белофиннами // Ленинградская правда. 1941. 2 сент. № 209. С. 2; *Еремин И., Кочетов В., Михалев М.* В чем сила бондаревцев // Там же. 13 сент. № 219. С. 2; *Внук Н., Кучин М., Мейлицев Г.* Сыны Ленинграда не отступят: Презирая смерть, храбро бьют врага бондаревцы // Там же. 18 сент. № 223. С. 2; *Домников В.* Комсомольцы-бондаревцы // Там же. 25 нояб. № 281. С. 2. *Бондаревцы* – личный состав 168-й стрелковой дивизии полковника *Андрея Леонтьевича Бондарева* (1901–1961), с начала войны в течение 45 дней героически сражавшейся на финской границе и в лесах Карелии, а затем отличившейся в боях за Пушкин и Слуцк (в 1918–1944 гг. название Павловска).

¹⁵ См.: *Виноградов А., Капланский Е.* 1) Подразделения тов. Андреева продолжают свой натиск // Ленинградская правда. 1941. 15 нояб. № 273. С. 1; 2) Боевые операции на восточном берегу реки Н. // Там же. 25 нояб. № 281. С. 2. *Андреев Андрей Матвеевич* (1905–1983) – военачальник, генерал-полковник; с июля 1941 г. – начальник охраны тыла 23-й армии Ленинградского фронта, в сентябре–октябре 1941 г. – командир 43-й стрелковой дивизии, затем, по апрель 1942 г., – 86-й стрелковой дивизии; участвовал в боях на «Невском пятачке».

¹⁶ См., например: *Лебедев В.* Как были потоплены немецкие миноносцы // Ленинградская правда. 1941. 9 июля. № 161. С. 2; *Кочетов В., Михалев М.* Ненависть владеет балтийскими моряками // Там же. 5 сент. № 212. С. 2; *Павлов Евг.* Никогда не бывать врагу в Ленинграде: Боевая клятва балтийских летчиков // Там же. 18 сент. № 223. С. 2; *Еремин И., Михалев М.* Дерзость // Там же. 17 окт. № 248. С. 2; *Кормушенков К.* Герои-балтийцы // Там же. 2 нояб. № 262. С. 2; *Мейлицев Г.* Моряки-минометчики // Там же. 7 дек. № 292. С. 2.

¹⁷ В Дневнике ошибочно: *Федютинского*; исправлено нами. См.: *Коновалов Н., Виноградов А.* Подразделения тов. Федюнинского продолжают продвигаться вперед // Ленинградская правда. 1941. 26 дек. № 308. С. 1; *Коновалов Н.* По следам врага // Там же. 28 дек. № 310. С. 2; *Виноградов А., Следнев И.* Враг отступает // Там же. 29 дек. № 311. С. 1. *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977) – военачальник, генерал армии; с сентября 1941 г. по март 1942 г. в звании генерал-майора находился на Ленинградском фронте: был заместителем командующего фронтом и одновременно командующим 42-й армией, затем возглавил 54-ю армию, участвовавшую в успешной Тихвинской и неудачной Любанской операциях.

¹⁸ Примеч. 1949 г.: «Муж Гени, Василий Дмитриевич Жандецкий (отсюда прозвище «Жан»)».

¹⁹ Речь идет о трехтомном издании: *Мутер Р.* История живописи в XIX веке / Пер. З. А. Венгеровой; Под ред. В. Д. Протопопова. СПб.: Т-во «Знание», 1899–1902. *Мутер Рихард (Muther)*; 1860–1909) – немецкий искусствовед, профессор истории искусства в Бреславльском (с 1945 г. Вроцлавский) университете.

²⁰ Скорее всего, имеется в виду речь И. В. Сталина 6 нояб. 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета, посвященном 24-й годовщине Октябрьской

революции, которое состоялось в подземном вестибюле станции метро «Маяковская».

²¹ Газетный лозунг военных лет. «Враг будет разбит» — выражение из выступления Сталина по радио 3 июля 1941 г.

²² Английская поговорка (Facts are stubborn), которую нередко употреблял Ленин, а вслед за ним и Сталин. Ее источник — перевод Т. Дж. Смолеттом с французского романа А. Р. Лесажа «История Жиль Блаза» (1734), точнее — выражения «Les faits parlent» (Факты говорят сами за себя).

²³ Село Любытино — районный центр на северо-востоке Новгородской области. С декабря 1941 г. по январь 1942 г. было занято врагом 13 деревень Дрегельского района (с 1964 г. в составе Любытинского), но не само Любытино. Г. Чудово был оккупирован врагом с 20 авг. 1941 г. по 29 янв. 1944 г.

²⁴ Речь идет о морге под открытым небом, существовавшем на территории Народного Дома (между нынешним Мюзик-холлом и Зоопарком), и о Смоленском кладбище.

²⁵ По официальным данным, максимальное количество потерь в отдельные дни января–февраля 1942 г. — 6–7 тыс. человек (см.: *Кислицын Н. Г.* Ленинград не сдастся. М., 1995. С. 129–130).

²⁶ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950). См. примеч. 40 на с. 70.

²⁷ См.: О продовольственном положении Ленинграда: Беседа с председателем Исполкома Ленинградского Городского Совета тов. П. С. Попковым // Ленинградская правда. 1942. 13 янв. № 10. С. 1.

²⁸ П. С. Попков указывал на причину улучшения в обеспечении города продуктами: «...стало возможным восстановить железнодорожное сообщение между Тихвином и ближайшими станциями к Ленинграду — завоз продовольствия в город теперь существенно облегчен» (Там же).

²⁹ П. С. Попков, в духе времени, обвинял: «К сожалению, раскисших, забывших о своей ответственности перед трудящимися города людей среди железнодорожников, особенно в управлении Октябрьской дороги и в ее отделениях, оказалось немало» (Там же).

³⁰ *Дуранда* см. примеч. 20 на с. 395.

³¹ Интересно, что С. В. Ганкевич эту улицу (в 1918–1944 гг. называлась улицей 3-го июля), как и некоторые другие, именует по-старорежимному.

³² Имя большевика С. М. Нахимсона с 1918 по 1944 г. носил Владимирский проспект.

³³ В. И. Выхорев. Фамилия установлена по имени его брата С. И. Выхорева, жившего в том же д. 15 по ул. Союза Печатников, в кв. 60, и упоминающегося в Дневнике ниже, в записи от 6 февр. 1942 г. (см. примеч. 68 на с. 454).

³⁴ Ниже указывается фамилия этого знакомого Ганкевичей — Петров.

³⁵ *Тюрин Василий Васильевич* (1900–1942) проживал в д. 14 по Большой Московской ул., в кв. 1, скончался в апреле 1942 г. и был похоронен на Пискаревском кладбище.

³⁶ Речь идет о перепечатанной в «Ленинградской правде» (17 янв. № 14. С. 1) передовой статье «Чудовищный приказ гитлеровского командования» (Правда. 1942. 15 янв. № 15. С. 1), в которой речь идет о печально знаменитом приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 окт. 1941 г. «О поведении войск на Востоке» и, в частности, утверждается: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Тут же воспроизведен из того же номера «Правды» со ссылкой на Совинформбюро материал «Чудовищный приказ гитлеровского генерала

об уничтожении всех исторических и художественных ценностей и об истреблении мужского населения в захваченных немцами советских районах». Генерал-фельдмаршал *Reichenau Вальтер фон (Reichenau, 1884–1942)* с 1 дек. 1941 г. командовал группой армий «Юг», но уже 17 янв. умер.

³⁷ Примеч. 1949 г.: «Двогородная сестра Т. М. Ганкевич».

³⁸ После того как 8–10 сент. 1941 г. от зажигательных бомб сгорело 41 помещение Бадаевских складов, там больше не хранили больших продовольственных запасов и они рассредоточивались по всему городу.

³⁹ Выступления по ленинградскому радио драматурга *Вишневого Всеволода Витальевича (1900–1951)*, служившего в Политуправлении Балтфлота, часто были импровизационны, отличались искренним, задушевным тоном и нравились ленинградцам. В упомянутом эфире он, в частности, говорил: «„Взять нас блокадой, измором? Не выйдет. Выстоим. Пусть, кто хочет, посмотрит на Ленинград и в глаза ленинградцев на шестом месяце блокады, в лютые студеные январские дни. В глазах упорство... Город пройдет к победе и сквозь все выпавшие на его долю сверхмерные испытания 1941–1942 годов. Пройдет, не потеряв своей красоты, силы и величия“. В дневнике ленинградской школьницы Майи Бубновой 23 января 1942 года сделана следующая запись об этой речи: „Вчера Всеволод Вишневецкий по радио выступал. Прямо молодец парень, в моем духе. Всегда вовремя выступит и скажет. Скажет прямо, ясно, хорошо, по-ленинградски, по-большевистски“» (цит. по: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. СПб., 2005. С. 129).

⁴⁰ Госнардом находился в здании так называемого «Народного дома Николая II», построенного в 1900–1912 гг. в Александровском парке архитектором Г. И. Люцедарским.

⁴¹ Сведения оказались ошибочными. Старая Русса оставалась под оккупацией с 9 авг. 1941 г. по 18 февр. 1944 г. Советские войска неоднократно пытались овладеть городом в ходе кровопролитных боев, в частности в январе–феврале 1942 г., однако безуспешно. Также и Великие Луки удалось освободить только 17 янв. 1943 г.

⁴² *Карьер Эжен (Carréer, Carrière; 1849–1906)* – французский живописец и график.

⁴³ *Стека (от итал. стесса – палочка)* – основной инструмент скульптора при лепке из глины или пластилина, представляющий собой небольшую палочку из дерева, металла или кости.

⁴⁴ «Граждане Кале» – бронзовая композиция (1884–1888) французского скульптора *Огюста Родена (Rodin; 1840–1917)*, посвященная осаде г. Кале (1346–1347) в ходе Столетней войны.

⁴⁵ Примеч. 1949 г.: «Елена Михайловна, сестра жены автора».

⁴⁶ Имя героя одноименной повести О. де Бальзака (1830), ставшее нарицательным для характеристики бессердечного скупца.

⁴⁷ Как считается, источник этого выражения – письмо Петра I в Сенат от 8 апр. 1711 г., где есть фраза: «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно» (о походе на турок).оборот широко использовался политиками начала XX в., например Лениным: «Промедление в восстании смерти подобно», «Промедление в выступлении смерти подобно» («Письмо членам ЦК» от 24 окт. 1917 г.).

⁴⁸ Город Лозовая Харьковской области был освобожден только 16 сент. 1943 г. Попытки овладеть им в 1942 г. оказались безуспешны.

⁴⁹ Примеч. 1949 г.: «Мария Михайловна – мать жены», т. е. Мар. М. Гольдберг.

⁵⁰ Примеч. 1949 г.: «Автор был снят с учета по решению, полученному еще в Гражд<анскую> войну (был добровольцем)».

⁵¹ 16–26 янв. 1942 г. Западный фронт под командованием Г. К. Жукова в ходе успешной наступательной операции полностью освободил территорию Московской и Тульской областей.

⁵² Примеч. 1949 г. «Ошибка: не „искусств“, а „живописи“».

⁵³ Примеч. 1949 г.: «Имеется в виду, что обе женщины в семье не встают».

⁵⁴ В период с 30 дек. 1941 г. по 1 янв. 1942 г. в ходе наступательной операции Кавказского фронта противник вывел свои войска с Керченского полуострова и сосредоточил их под Феодосией, из которой уже 2 янв. их удалось выбить. Однако 18 янв. Феодосия, а 20 мая Керчь были вновь взяты врагом. Окончательно советские войска освободили Керчь 11 апр., а Феодосию — 13 апр. 1944 г.

⁵⁵ Примеч. 1949 г.: «Тесть и теща».

⁵⁶ Примеч. 1949 г.: «Т. е. Гене должны первые».

⁵⁷ Примеч. 1949 г.: «Брат жены автора», Л. М. Гольдберг.

⁵⁸ Примеч. 1949 г.: «Вина брата заключалась в том, что он съел какие-то остатки крупы, которые он должен был отнести Евг<ени> Мих<айлов>не как подарок от матери».

⁵⁹ Примеч. 1949 г.: «Судя по почерку, стилю и содержанию – с этой строки идет запись на следующий день, а может быть, и через несколько дней».

⁶⁰ Примеч. 1949 г.: «Брат жены, находившийся в армии». Видимо, Ардалион Михайлович Гольдберг.

⁶¹ Ближайшие именины Евгении приходились на 6 янв. Возможно, здесь имеется в виду день рождения Е. М. Жандецкой.

⁶² *Буль* – мебельный декоративный стиль с богатой инкрустацией из латуни и бронзы, названный по имени французского мастера *Андре Шарля Буля (Boule, 1642–1732)*.

⁶³ В Ленинграде за людоедство, согласно официальным документам о наказаниях, в декабре 1941 г. были осуждены 26 человек, в январе 1942 г. – 366, а 1–15 февр. того же года – уже 494 человека (см.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005. С. 679–680).

⁶⁴ Бронзовая скульптурная группа (1882) О. Родена на сюжет из «Божественной комедии» Данте («Ад», 32: 124 – 33: 90), приобретший большую популярность в искусстве XIV–XX вв. Граф *Уголино делла Герардеска (Ugolino della Gherardesca; ок. 1220–1280)* – правитель Пизы, который после свержения был замурован вместе с двумя младшими сыновьями и двумя внуками в башне, где и скончался спустя два месяца. Согласно легенде, он, потеряв человеческий облик, поедал останки умерших от голода детей. (Однако современная экспертиза доказала, что Уголино и его дети погибли насильственной смертью.)

⁶⁵ Примеч. 1949 г.: «Т. М. Ганкевич, жена автора, заявляет, что эти строки следует относить только к ее отцу, т<ак> к<ак> мать ее была доброй женщиной и пользовалась якобы уважением С<ергея> В<асильевича>».

⁶⁶ Ср. слова Телегина: «Сюжет, достойный кисти Айвазовского» из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (1897; д. IV).

⁶⁷ Примеч. 1949 г.: «Речь идет о следующем событии. Как-то отец передал Евг<ени> М<ихайлов>не часы, чтобы она их обменяла на хлеб. В походе за обменом с ней случился обморок, когда у нее часы украли. Но отец продолжал требовать хлеб, поэтому он и не отдавал часы Юры, о которых говорилось выше (часы он должен был передать знакомому часовщику для починки), оставив их как залог. Наконец, перед эвакуацией он сам пришел к Евг<ени> Мих<айловне> и стал требовать часы или хлеб (то, что часы украли, – его не интересовало!). Чтобы прекратить эту унижитель-

ную сцену, Т<амара> М<ихайловна> решила отдать ему свои часы и стала их снимать с руки. У отца же мелькнула мысль, что это те самые часы и что Т<амара> М<ихайловна> хочет их спрятать! Он кинулся к дочери и чуть не выломал дочери руку, [отнимая] срывая с руки часы, пока его не схватил сзади Сергей В<асильевич>. Часы ему отдали и он удалился».

⁶⁸ *Выхорев Сергей Иванович* (1883–1942), проживавший в том же доме, что и Е. М. Жандецкая (ул. Союза Печатников, д. 15), в кв. 60.

⁶⁹ Имеется в виду морг Октябрьского района (ныне часть Адмиралтейского), находившийся на Канонерской ул., д. 33.

⁷⁰ Эти слухи оказались неосновательными. О П. С. Попкове см. примеч. 40 на с. 70.

⁷¹ Выражение, которым заканчивается басня И. А. Крылова «Лебедь, Рак и Щука» (1814).

⁷² Речь идет об исследовании *Бенуа Александра Николаевича* (1870–1960) «История русской живописи в XIX веке» (СПб., 1901–1902. Вып. 1–2), приложенного к трехтомнику Р. Мутера (см. выше примеч. 19) и увидевшего свет в качестве дополнительного, четвертого тома.

⁷³ *Андреев Иван Андреевич* (1904–1987) — заместитель председателя Ленгорсовета, заведующий отделом торговли Ленгорисполкома в годы блокады. Его имя было на слуху у горожан, поскольку им подписывались документы о нормах выдачи хлеба населению, которые вывешивались на улицах.

⁷⁴ Клинский рынок был основан в 1924 г. в Матятином переулке (с 1952 г. Батайский), и при нем в 1930-е гг. организовали колхозную ярмарку. В 1942 г. рынок сгорел после бомбежки, и в 1946 г. на его месте был разбит ныне существующий сад, спланированный в регулярно-пейзажном стиле.

⁷⁵ С. В. Ганкевич описывает симптомы начавшегося у него авитаминоза.

⁷⁶ Подушечки – недорогая карамель без обертки, обычно с повидлом внутри.

⁷⁷ Сведений об этих знакомых Ганкевичей разыскать не удалось. Однако не исключено, что последним назван Берко Михайлович Гохштейн (1876–1942), проживавший на Лахтинской улице (д. 20, кв. 28), умерший в феврале и похороненный на Серафимовском кладбище.

⁷⁸ Примеч. 1949 г.: «С этой строки идет, по-видимому, запись в один из последующих дней после 21-го февраля, т<ак> к<ак> другой почерк и настроение».

⁷⁹ Примеч. 1949 г.: «Дядя автора».

⁸⁰ Примеч. 1949 г.: «Эти строки написаны на полях последней страницы. На этом заканчивается первая тетрадь дневника С. В. Ганкевича. Правда, в тетради имеются еще 4 страницы, исписанные вдоль и поперек очень неразборчивым почерком. Это, кажется, наброски к предисловию дневника: о положении города в январе и т. д., но более расширенное, чем наброски на первых страницах дневника. Я сейчас очень занят, но если будет свободное время, то постараюсь разобрать и переписать эти записи.

Вторая тетрадь дневника содержит в себе только 9 страниц записи (плюс 2 вырванные страницы).

Б. Егоров. 11/VI–1949».

⁸¹ Примеч. 1949 г.: «Следующий лист дневника вырван киевскими родственниками С<ергея> В<асильевича> на память (черт бы их взял) тайком от Т<амары> Мих<айловны>, гостившей у них после войны и привезшей показать дневник. По словам Т<амары> Мих<айловны>, Сергей В<асильевич> писал на этих страницах о том, что „как бы хотелось вгрызться в кусок хлеба зубами и жевать полным ртом, а не понемножку!“».

⁸² На деле после того как в Ленинграде в декабре 1941 г. перестал ходить общественный транспорт, троллейбусное движение было возобновлено 24 мая 1944 г., а трамвайное – уже 15 апр. 1942 г.

⁸³ По первоначальным планам НКВД, советские немцы и финны должны были быть выселены из города на Неве не позднее 7 сент. 1941 г., однако из-за блокады их депортацию пришлось отложить на полгода. В марте 1942 г. началась вторая волна их массового выселения из Ленинграда и окрестностей — ксылке (как правило, на спецпоселения в Сибирь) было «приговорено» 24 600 человек.

⁸⁴ Сведения неточны: немецкий генерал-фельдмаршал *Вильгельм фон Лееб* (*Leeb*; 1876–1956), организатор блокады Ленинграда, вплоть до декабря 1941 г. был командующим группы армий «Север», куда и входила 16-я армия под командованием генерал-полковника *Эрнеста Буша* (*Busch*; 1885–1945). В рассматриваемый период (1942–1944) Лееба заменил генерал-фельдмаршал *Георг фон Кюхлер* (*Küchler*, 1881–1968).

⁸⁵ Примеч. 1949 г.: «Т. е. никто не интересуется, кроме меня с Тимой».

⁸⁶ Примеч. 1949 г.: «Следующие 3 строки тщательно зачеркнуты».

⁸⁷ Т. е. pendant – пандан (*фр.*), предмет, парный с другим; в данном случае имеются в виду две похожие одна на другую картины – равные по величине и, возможно, назначенные висеть на стене симметрично.

⁸⁸ *Тихонова Пелагея Ефимовна* (1903–1942), проживавшая в том же доме по ул. Союза Печатников, в кв. 65, умершая в марте и погребенная на Пискаревском кладбище.

⁸⁹ Примеч. 1949 г.: «Это последние слова, записанные в дневнике С<ергея> В<асильевича>. Он прожил всего пять дней после 22-го марта. 27 марта он лежал в кухне 6-м по счету...

Он похоронен, как и тысячи других ленинградцев, где-то в братской могиле, неизвестно даже, в каком месте – и его предсмертные записки являются последним воспоминанием об этом любопытном человеке...

Я сейчас просмотрел то, что смог разобрать на последних двух листах 1-й тетради дневника, и пришел к выводу, что не стоит тратить времени на запись этих страниц. Это наброски к предисловию, повторяющие то, что было сказано в предисловии и в самом дневнике – о блокаде, о голоде, об очередях, о разрушениях. Незачем повторять уже написанное.

Б. Егоров. 14/VI–1949».